

РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ АДВОКАТУРЫ

РЕЧИ АДВОКАТА ЮРИЯ НОВОЛОДСКОГО

в судах Санкт-Петербурга в защиту Н.М. Абрамидзе

(2016-2017 г.г.)

Jus est ars boni et aequi

РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ АДВОКАТУРЫ

РЕЧИ АДВОКАТА ЮРИЯ НОВОЛОДСКОГО

в судах Санкт-Петербурга в защиту Н.М. Абрамидзе

(2016-2017 г.г.)

Jus est ars boni et aequi

Новолодский Ю.М. Речи адвоката Юрия Новолодского в судах Санкт-Петербурга в защиту Н.М. Абрамидзе (2016-2017 г.г.) : Ю.М. Новолодский. – СПб : ООО «Р-КОПИ», 2017. – 74 с.

ISBN 978-5-9500351-6-6

ISBN 978-5-9500351-6-6

© Ю.М.Новолодский, 2017

© ООО «Р-КОПИ», 2017

Речь Ю.М. Новолодского
в защиту
Абрамидзе Никиты Михайловича
(воспроизведена с сокращениями)

Информация о деле:

16 августа 2016 года в Красногвардейском районном суде Санкт-Петербурга начались судебные прения по так называемому «делу двух «А»».

История этого дела началась в феврале 2014 года, когда в отношении предпринимателей, руководивших группой компаний «МегаСтар», было необоснованно возбуждено уголовное дело по обвинению в мошенническом завладении бюджетными денежными средствами в особо крупном размере «в составе организованной преступной группы». Помимо руководителей «МегаСтар» – Владимира Волкова, Никиты Абрамидзе и Владимира Аврамова в состав вымышленной преступной группы следователями были включены режиссёр – Ирина Сухарева и бухгалтер Елена Югай.

В течение 10-ти предшествующих лет упомянутыми предпринимателями в Петербурге и иных регионах страны на высоком профессиональном уровне было организовано и проведено свыше 5 тысяч праздничных мероприятий. Из большого объёма этих мероприятий, организованных и проведённых в ходе многолетней предпринимательской деятельности, следователи, по не понятным критериям, выделили четыре мероприятия, в ходе которых, по их мнению, совершались хищения бюджетных денежных средств.

Это дело явилось уникальной иллюстрацией безответственности следственной власти по отношению к предпринимателям, необоснованно преследуемым за якобы совершённые ими «мошенничества».

В течение года, пока в суде шло разбирательство дела, к нему было привлечено внимание предпринимательского сообщества и уполномоченного по защите прав предпринимателей в Санкт-Петербурге.

Стоит отметить, что, несмотря на неоднократно высказанную позицию Президента Российской Федерации В.В. Путина о необходимости незамедлительного прекращения необоснованного уголовного преследования предпринимателей, «дело двух «А»» стало примером откровенного игнорирования президентской позиции отдельными представителями следственно-прокурорской власти.

В ходе судебных прений прокурор Татаринова Н.Ю. отказалась от обвинения Абрамидзе Н.М. и Аврамова В.Г. в совершении одного

эпизода мошенничества, связанного с организацией и проведением четырёх творческих встреч с артистами в концертном зале «У Финляндского» в октябре 2011 года. По оставшимся трём эпизодам обвинения прокурор Татарина Н.Ю. попросила признать подсудимых виновными и назначить: Абрамидзе Н.М. и Авраамову В.Г. наказание в виде 7 лет лишения свободы и штрафа в размере 500 тысяч рублей, Сухаревой И.А. и Югай Е.С. наказание в виде 5 лет лишения свободы и штрафа в размере 200 тысяч рублей. Прокурор Усачёва М.Г. произнесла свою обвинительную речь за 21 секунду.

Ваша честь!

Прошло два с половиной года с того момента, как было возбуждено уголовное дело по тем обстоятельствам, которые были предметом нашего исследования. Два с половиной года! И вот, наконец, наступил момент истины. Защита впервые получила возможность свободно, без постоянных наскоков со стороны обвинения, отстаивать свою правовую позицию, которой придерживалась с первого дня следствия. Это позиция полной невиновности всех подсудимых. Именно это будет отстаиваться нами в прениях. Мы планируем представить Вам, Ваша честь, тщательный экономический и правовой анализ тех фактических обстоятельств, которые в течение стольких месяцев были предметом Вашего внимания.

Дело было возбуждено, как Вы помните, 17 февраля 2014 года. Ровно два с половиной года назад. Спустя пару месяцев дело попало в руки следователя Раукинаса. И с этого момента с делом стали твориться удивительные вещи. Если сказать по-простому, дело прекратили расследовать, а стали откровенно его фабриковать. Вчера прокурор Татарина, поддержавшая в своей обвинительной речи сфабрикованное Раукинасом обвинение, поставила точку в этом деле, удивительно похожую на кляксу.

Из состава первоначального обвинения был исключен лишь один эпизод, связанный с вымышленным хищением бюджетных денежных средств, принадлежащих администрации Калининского района. Был исключён потому, что почти за 8 месяцев судебного следствия не прозвучало ничего, хотя бы отдалённо напоминающего доказательства. После короткой и невыразительной обвинительной речи прокурора Татариновой слово для обвинительной речи взяла главный в нашем деле обвинитель – прокурор Усачёва. В отличие от предшественницы речь прокурора Усачёвой была «яркой» и запоминающейся, претендующей на рекорд Гиннеса, поскольку продолжалась она всего лишь двадцать одну секунду!

При общем сроке наказания в 24 года лишения свободы, испрошенном обвинительной властью для 4-х подсудимых, включая двух женщин, получается, что прокурор Усачёва на каждый год предлагаемой их «отсидки» затратила менее 1 секунды своей речи! Госпожа Усачёва – это не просто прокурор, участвующий в нашем деле, она личность в прокуратуре известная. Чего стоят многочисленные награды, украшающие её прокурорский мундир. Это она осуществляла «прокурорский надзор» за многомесячным расследованием этого дела. Образно говоря, она «повитуха» того юридического уродца, который явился на свет из недр безобразно проведённого следствия. Ваша честь, в этом слове нет ничего обидного или унижающего достоинство прокурора. «Повитуха» – это ключевая фигура из числа лиц, принимающих роды, это женщина, помогающая ребёнку появиться на свет, их называют иногда «повивальными бабками». Но то, что госпожа Усачёва после восьмимесячного судебного следствия отделалась судоговорением в течение двадцати одной секунды – это слишком, даже для такой яркой личности как Марина Геннадьевна Усачёва. Огромный объем дела – в девяносто с лишним томов, два автомобиля вещественных доказательств и... всего лишь двадцать одна секунда обвинительной речи. Это впечатляет.

Госпожа Усачёва сознательно выставила впереди себя прокурора Татаринovu, полностью переложив на её плечи неблагоприятное бремя обвинения невиновных предпринимателей. Сама же она лишь обозначилась в судебных прениях рекордно короткой речью. Выступление же прокурора Татариновой была удивительно бессодержательным. Настолько бессодержательной, что защита пребывает в замешательстве. Трудно защищаться от дурно сформулированного обвинения, в обоснование которого положены лишь пространные прокурорские рассуждения, объективно не имеющие никакого доказательственного значения. Но даже в этой бессодержательной речи явился слушателям один удивительный «перл», достойный широкого общественного внимания. Цитата из речи прокурора Татариновой: ***«необходимо отметить цинизм и упорство лиц, находящихся на скамье подсудимых, с которыми они не перестают убеждать суд в том, что всё содеянное – предпринимательская деятельность»***. Если кто не понял сказанного, я разъясню. Словами «цинизм и упорство» прокурор охарактеризовала стремление подсудимых доказать суду, что, занимаясь предпринимательской деятельностью, они не совершали никаких преступных действий. По мнению прокурора, цинично даже стремиться убеждать суд в своей невиновности. По-видимому, прокурору совершенно неведомы положения российской Конституции, гласящие о том, что никто не может быть признан виновным до того, как это произойдет в силу

вынесения в отношении него обвинительного приговора, вступившего в законную силу. По-видимому, прокурору неведома статья 2 Конституции Российской Федерации, определяющая, что права граждан в нашем государстве являются высшей ценностью и все государственные органы (страшно подумать, и прокуроры тоже), всей своей деятельностью должны обеспечивать соблюдение прав и свобод граждан. Может быть, неведомо прокурорам и право на защиту – основополагающее конституционное право граждан, подвергшихся уголовному преследованию.

Тем не менее, это случилось. Удручающее правовое невежество вырвалось наружу. Антиправовая идеология обвинительной власти достигла высшей своей точки, даже не допускающей для подсудимых возможности защищаться от необоснованных обвинений. Неужели, естественное поведение подсудимых, искренне пытающихся убедить суд в своей невиновности, прокурорам теперь позволительно называть «циничным»? Возникает вопрос: «А зачем же люди приходят в суд? Как ни для того, чтобы убедить суд в своей правоте?» Или Вы, уважаемый прокурор Татаринова, исходите из того, что всё сказанное Вами в обвинительной речи – это «абсолютная истина», не терпящая никаких возражений. Кстати, это откровенно проскальзывало в Вашей речи.

Помните, Ваша честь, прокурор Татаринова заявила в прениях, что «она-представитель закона»! Она и госпожа Усачёва. Что может ответить на это сторона защиты? «Вас обманули. Вы не представитель закона, Вы всего лишь участник уголовного процесса со стороны обвинения. Представителем закона в суде является исключительно суд, а вот правозащитой в суде занимаются адвокаты, которые от имени общества защищают действующие в стране законы от прокуроров, которые, к сожалению, способны цинично их нарушать. К нашему делу это имеет самое непосредственное отношение.

Ваша честь! Если сторона обвинения сочла возможным защищающихся подсудимых обвинить в цинизме, я думаю, что мы тоже вправе использовать термин «циничное поведение» применительно к стороне обвинения, которая в гораздо большей мере заслуживает таких оценок. Это я оговариваю заранее, чтобы никто из прокуроров в ходе моей речи не вскакивал со своих мест с необоснованными протестами. Если Вам, уважаемые прокуроры, можно использовать подобные характеристики, значит можно и стороне защиты, тем более, что к Вашей деятельности эти характеристики подходят гораздо больше.

Но перед употреблением этих характеристик, я обращусь к содержанию слова «цинизм». Этимологически оно производно от слова «собака». Уместно ли так обращаться к подсудимым, которые отстаивают в суде свою невиновность? *«Цинизм – это откровенное, вызывающее пренебрежительное и презрительное отношение к нормам*

закона, общественной морали и общепринятым нормам нравственности». Воистину это слово в полной мере относится к деятельности следственной власти и должностных лиц, осуществляющих прокурорский надзор по этому делу. *«Цинизм – это поведение, выражающее осознанное и демонстративное игнорирование определенных моральных ценностей».* Это понятие «цинизма» также, в полной мере, подходит к той деятельности, которую на протяжении многих месяцев осуществляли государственные обвинители в нашем деле. *«Цинизм – это мировоззрение, воспринимающее этичность (правовые ритуалы и процедуры) для решения практических задач, отрицающее такие мотивы поведения, как сострадание, жалость, стыд, сочувствие и другие, как не соответствующие личному интересу».* Получается, что с этими характеристиками обратились Вы не по адресу. Это слово полностью относится к Вашей деятельности.

Начну с той озабоченности, которую проявляет Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин по поводу сложившихся в нашей стране отношений между обвинительными органами, прокурорами и предпринимателями. Это очень его беспокоит. А наше дело, ввиду его уникальной бессодержательности, уже давно попало в фокус общественного внимания. Около года, как оно находится на контроле у Омбудсмана, осуществляющего защиту предпринимателей. Вот цитата из выступления нашего Президента перед Федеральным Собранием 03 декабря 2015 года, имеющая к нашему делу самое непосредственное отношение – *«Прокуратура должна шире использовать имеющиеся у неё инструменты контроля за качеством следствия. Знаете, ведь мы в своё время следствие от прокуратуры отделили для того, чтобы обеспечить независимость следствия. Это было осознанное решение. Сегодня, напомню, у прокуратуры есть такие инструменты, как отмена постановления о возбуждении уголовного дела, отказ от утверждения обвинительного заключения или даже от поддержки обвинения в суде. Надо активнее использовать то, что имеется, только после этого мы сможем проанализировать, а что же происходит на практике?»*

Вот мы сейчас, на примере нашего дела, и проанализируем, «что же происходит на практике» и как прокуратура реагирует на призывы Президента страны проявлять честность и принципиальность во всех уголовных делах и прежде всего в уголовных делах, возбуждаемых в отношении предпринимателей.

Для этого мы должны, хотя бы в общих чертах, уяснить, а как же должны расследоваться такие дела? Прежде всего следователи, которым поручается расследование таких дел, должны иметь некоторую экономическую подготовку, позволяющую понимать основные

принципы предпринимательской деятельности. Далее грамотному в экономическом отношении следователю надлежит *установить фактические обстоятельства исследуемых событий, при этом действовать честно, не подтасовывая факты, не откладывая в сторону не выгодных ему доказательственных сведений, и когда будет собрано достаточно фактологических сведений и «нарисуется» картина событий из прошлого, вот тогда следователь должен честно оценить собранные по делу доказательства по своему внутреннему убеждению, руководствуясь при этом законом и совестью. После чего решить, свидетельствуют ли собранные факты о совершение преступления или преступления не было.*

Как же было в нашем деле?

В нашем деле всё было удивительно цинично. Цинично действовал следователь, не понимающий основ предпринимательского дела и не желающий вникать в выявленные обстоятельства дела, цинично действовала надзирающий прокурор, которая вместо того, чтобы, следуя подсказкам Президента, надзирать за законностью проведения расследования, покрывала те безобразия, которые творил следователь. Иными словами, в нашем деле всё было из рук вон плохо. Всё было в том самом виде, который вызвал серьёзную озабоченность у Президента страны.

Приступим к исследованию фактических обстоятельств, характеризующих общую картину деятельности подсудимых. Вопрос первый: Что же представляли из себя факты, характеризующие деятельность подсудимых в последние 15 лет? Ваша честь, по мнению защиты, собранные по делу факты со всей очевидностью свидетельствуют о том, предприниматели Волков, Абрамидзе и Авраамов в течение всех этих лет занимались исключительно предпринимательской деятельностью, причём неизменно в одной и той же предпринимательской сфере – в сфере оказания услуг по организации праздничных мероприятий. Это настолько очевидно, что спорить на сей счет могут только преисполненные цинизмом представители прокуратуры, участвующие в нашем деле. Надеюсь, Ваша честь, что из исследованных фактов и Вы усмотрели высочайший профессиональный уровень подготовки и проведения праздничных мероприятий, которые нам пришлось исследовать в суде.

Мы продемонстрировали высокое качество этих мероприятий с помощью соответствующих видеосюжетов. Мы выслушали здесь (в суде) тех, кто заказывал эти праздничные мероприятия, и услышали от них, что праздники были великолепные, что таких праздников ранее в их городах никогда не было, что все жители их городов были очень довольны уровнем проведения этих праздничных мероприятий. И во

всех трёх городах, где состоялись эти праздники, население и городские менеджеры выставили праздничным мероприятиям высшие оценки качества.

Вы, Ваша честь, могли непосредственно убедиться, просмотрев соответствующие видеозаписи и фотоснимки, сколь грандиозны были интеллектуальные, материальные и организационные затраты тех, кто подготовил, организовал и провёл исследуемые праздничные мероприятия, отраженные в видеозаписях. Такие возмездные услуги, в виде проведённых праздников, возможны только в результате высокоорганизованной предпринимательской деятельности. Это понятно каждому честному человеку и не требует какого-либо доказывания. Каждый может убедиться в этом, просмотрев видеоотчеты. Но это не помешало прокурорам, вслед за следователем Раукинасом, отрицать сам факт предпринимательской деятельности подсудимых, в рамках которой оказывались услуги по организации и проведению исследуемых в суде праздничных мероприятий. Раукинас цинично заявлял подсудимым: «Вы – не предприниматели, вы – преступники!». Этому нелепому, бездоказательному утверждению, звучавшему в течение всего следствия, вторила госпожа Усачёва: «Вы – преступники, вы украли денежные средства у детей и старух». Я хочу просить присутствующих здесь прокуроров, чтобы в дополнениях к своим обвинительным речам, они обосновали свой откровенно циничный тезис о том, что никакого предпринимательства не было, а заодно и обворованных детей и стариках. А перед тем как попытаться это сделать, уважаемые прокуроры, задайте себе вопрос: А праздники-то как явились на свет? Волей Божьей? Типа сказал Господь: «Быть празднику! И стал праздник?»

Только совершенно циничный подход к делу не позволяет прокурорам признать очевидную истину, состоящую в том, что эти праздники действительно состоялись в результате организации и проведения их теми, кто сидит сегодня на скамье подсудимых. Не по велению Бога или Дьявола это случилось, а в результате предпринимательской деятельности подсудимых, которую они высокопрофессионально осуществляли в течение 12 лет, включая и эти три праздника, которые мы исследуем сегодня в качестве преступных эпизодов. И деятельность эта не может называться иначе как «предпринимательская деятельность» – деятельность, которая осуществлялась для производства возмездных услуг с целью извлечения прибыли. О предпринимательской деятельности можно подробнее прочесть во второй статье Гражданского кодекса. Но если смотреть на эти же самые факты сквозь специальное стекло прокурорского цинизма, как это делали участвующие в нашем деле прокуроры, то можно не увидеть

очевидных фактов и, напротив, увидеть то, чего в действительности не существовало. Именно такое «волшебство» и происходило в нашем деле.

Но вернёмся к реальным фактам. Всё, что мы исследовали в суде (всё без исключения), было осуществлено в рамках высоко-профессиональной предпринимательской деятельности или, как говорит законодатель, «в сфере предпринимательской деятельности». С 2002 года подсудимые непрестанно занимались исключительно оказанием услуг в сфере организации концертов, праздников, массовых мероприятий и так далее, и провели при этом, Ваша честь, свыше пяти тысяч мероприятий! Их количество само по себе является доказательством того, что их деятельность являлась предпринимательской.

И вдруг некоторым людям, которые по недоразумению называют себя юристами, а на самом деле являются недопустимо циничными деятелями уголовно-применительной системы, в голову пришла невероятная по своему цинизму мысль – представить этих предпринимателей злостными расхитителями государственных денежных средств. Честным людям поставленная задача показалась бы совершенно не осуществимой. По их справедливому пониманию, это равносильно циничному утверждению о том, что земля квадратная и стоит на трёх китах. Но честным людям не стоило торопиться с выводами. Было бы желание, а выдумки и полномочий у современных следователей, действующих совершенно бесконтрольно, оказалось предостаточно.

Непостижимым образом из пяти тысяч праздников, которые предприниматели осуществили в течение предшествующего десятилетия, следователями-сочинителями были выбраны три праздничных мероприятия, для сфабрикования на их фактологическом материале трёх мошеннических хищений государственных денежных средств. Мы не случайно показали Вам, Ваша честь, какой высокий уровень был у предпринимательской деятельности, осуществляемой подсудимыми. Мы показали Вам праздники в прекрасных залах и на открытых площадках, собирающие тысячи граждан. Вы своими глазами видели, Ваша честь, яркие результаты высокоорганизованной предпринимательской деятельности подсудимых. Но следователь решил «перелицовывать» отдельные из этих праздников в банальные преступления и цинично заявил предпринимателям: «Вы – не предприниматели, вы – воры!» И поместил их в тюрьму. Поместил Елену Югай, поместил Никиту Абрамидзе и Владимира Аврамова, где они незаконно находились под стражей почти 17 месяцев!

Как это откровенное беззаконие могло случиться под надзором уважаемого прокурора Усачёвой? Ведь есть закон – часть 1.1 статьи 108 УПК РФ, которая устанавливает, что: *заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении*

подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного статьей 159 УК РФ, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности? Ведь, если есть закон, он должен соблюдаться, в том числе, и прокурорами. Как могло случиться это?

Вам смешно, госпожа Усачёва? Смешно то, что прокуроры должны соблюдать законы? Удивительно! Вы либо зеваете, либо смеётесь – это лишний раз показывает, что Ваше поведение в процессе исключительно цинично. Вы даже позволяете себе заниматься макияжем у всех на виду непосредственно в ходе судебного заседания, потому что понимание норм приличия и осознание того, что Вы представляете здесь наше государство, у Вас полностью отсутствует. Попросите, пожалуйста, председательствующего объявить перерыв, если Вам в очередной раз будет нестерпимо смешно. На Вашем месте любому прокурору было бы грустно.

Я продолжу, Ваша честь. Было ли хищение или его не было – это Вы решите в совещательной комнате. Но в любом случае, применительно к нашему делу, оно (хищение) могло быть только в сфере предпринимательской деятельности. Поэтому содержание подсудимых-предпринимателей под стражей в течение 17 месяцев – есть ничто иное как откровенно циничное злоупотребление властью, граничащее с должностными преступлениями. То, что в сфере предпринимательской деятельности, осуществляемой Волковым, Абрамидзе и Авраамовым, никаких преступлений не было, мы докажем Вам в результате анализа фактов по итогам судебных прений. «Но неприятный осадок останется». Как же так? – Все действия подсудимых совершались в сфере предпринимательской деятельности, а прокурор Усачёва, тем не менее, в судах, избравших меру пресечения обвиняемым-предпринимателям, вводила судей в заблуждение, незаконно добиваясь помещения предпринимателей под стражу. И делала это, достоверно зная, что все действия, в которых необоснованно обвинялись подсудимые, были совершены ими в сфере предпринимательской деятельности. Это же вопрос профессиональной чести и совести прокурора. Неужели эта безнравственная деятельность прокурора Усачёвой останется безнаказанной?

Пункт 8 специального постановления Пленума Верховного Суда подробно разъясняет судам позицию Высшего судебного органа по данному вопросу. Я не думаю, что прокуроры этих разъяснений не читают, будем считать, что это разъяснение прокурор Усачёва читала, а если не читала, то она не соответствует занимаемой должности. Другого мнения у стороны защиты быть не может. В этом Постановлении записано: *«разъяснить судам, что преступления, предусмотренные*

статьями 159, 159.6, 160, 165, следует считать совершенными в сфере предпринимательской деятельности, если они совершены лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность самостоятельно или участвующим в предпринимательской деятельности, осуществляемой юридическим лицом, и эти преступления непосредственно связаны с указанной деятельностью». Разве есть в нашем деле что-нибудь не соответствующее разъяснению суда? Да, подсудимые осуществляли предпринимательскую деятельность в составе юридического лица и их «деяния» был совершены именно «в сфере предпринимательской деятельности». Более непосредственную связь их действий, признанных следствием в качестве преступных, с осуществляемой ими предпринимательской деятельностью, даже придумать невозможно. Неужели сторона обвинения этого не понимала? Нет, она всё понимала, но цинично игнорировала не только закон, но и указания Пленума Верховного Суда, действуя с исключительным цинизмом, демагогически рассуждая про «обворованных стариков и старух», вместо того, чтобы здесь в суде взять и попробовать доказать то, что они голословно утверждали в течение многих месяцев. Итак, прокуроры-обвинители не задумываясь, поддержали откровенно ложный тезис господина Раукинаса, записанный в обвинительном заключении. Я его процитирую. Это заслуживает Вашего внимания: *«Деяния, предусмотренные частью 4 статьи 159, которые инкриминируются Абрамидзе, Авраамову, Сухаревой и Югай, не относятся к сфере предпринимательской деятельности»*. Совершенно очевидно, что он – Раукинас, не понимает содержания процитированного закона, не понимает, какая деятельность является предпринимательской, а какая преступной, и как они соотносятся между собой. Надзирающие за следствием прокуроры ему не подсказали, что, по смыслу законодателя, *не преступные деяния должны относиться к сфере предпринимательской деятельности, а преступления могут быть совершены при осуществлении предпринимательской деятельности, то есть «в сфере предпринимательской деятельности»*. Если он (Раукинас) этого не понимает, как же он был допущен к расследованию дел предпринимателей? Как можно экономически не подготовленному следователю доверять расследование столь важных для нашего государства дел? Что делал прокурор, когда читал приведенную выше цитату из обвинительного заключения, а потом подписал это заключение? Ещё раз процитирую эту часть обвинительного заключения: *«Деяния, предусмотренные частью 4 статьи 159, которые инкриминируются подсудимым, не относятся к сфере предпринимательской деятельности»*. На слух восприятие подобных «опусов» весьма затруднительно, поэтому я прошу извинения за повтор.

Преступления действительно не относятся «к сфере предпринимательской деятельности», просто они иногда совершаются в этой сфере человеческой деятельности. Непонимание разумного соотношения этих понятий и упорное отстаивание обвинителями откровенной следственной глупости – это и есть исключительный цинизм, которым представлена обвинительная власть в настоящем деле.

Совершенно нелепым выглядит также и мотив следователя Раукинаса, в силу которого, по его мнению, *«расследуемое преступление не относится к сфере предпринимательской деятельности»*. Мотив этот выглядит следующим образом: поскольку действия Абрамидзе и его соучастников были якобы направлены против государственной собственности, то в силу этого обстоятельства нельзя их действия рассматривать как совершенные в сфере предпринимательской деятельности, а потому, к правовой оценке этих действий, по теории Раукинаса, нельзя применять нормы о деяниях, совершённых в сфере предпринимательской деятельности,

Ваша честь, насколько мне известно, Вы были практикующим юристом чуть ли не с советских времён. Простите, если это не так. Тогда, в советские времена, в законе имелось разграничение хищений государственной и негосударственной собственности. Они защищались законом по-разному. Государственная собственность защищалась с помощью более высоких санкций. Кроме того, имелся ряд других особенностей «в правовом регулировании» деяний, направленных против государственной собственности. Но четверть века назад этот экономически необоснованный подход был отменён. И вот Раукинас, влекомый сиюминутной выгодой, вызвал к жизни эти «тени прошлого».

Видите, сколь низок уровень правосознания у следователя, сфабриковавшего это дело, и у надзирающего прокурора, который это всё пропустил, и у прокурора, подписавшего обвинительное заключение, содержащее подобные постыдные «опусы». Нельзя всерьёз даже рассуждать о том, что, если деяние совершено против государственной собственности, то это деяние не может быть совершенным в сфере предпринимательской деятельности. Особенно тогда, когда эта деятельность на 95 процентов состоит из отношений с государственными заказчиками возмездных услуг. Это полнейший, ни на чём не основанный, бред! Потому что, если какие-то противоправные действия происходят в сфере предпринимательской деятельности, то не имеет никакого значения – посягают ли мошенники на собственность государственную или собственность других лиц. Уже давно подобного подхода у нас в законе нет. А дремучие атавизмы псевдоюридического сознания продолжают всплывать на судебную водную гладь, а прокуроры продолжают собирать эту нелепую субстанцию и отстаивать её значение для дела.

Вчера прокурор Татаринова вновь зачитала упомянутую выдержку из обвинительного заключения, по-видимому, придавая ей основополагающее значение, без которого откровенно надуманное обвинение, выдвинутое по нашему делу, утрачивает какую-либо опору. (Раукина, Усачева, Татаринова) всерьёз считают, что собственность государственная должна защищаться более тщательно. Вот если похищена собственность негосударственная, тогда другое дело, тогда можно признать, что хищение было совершено в сфере предпринимательской деятельности, полагают они, а поскольку здесь «похищалась» государственная собственность, тогда мы не можем признать инкриминируемые деяния, совершёнными в сфере предпринимательской деятельности.

И эта глупость записана черным по белому в обвинительном заключении. Почему это стало возможным? Да потому, что в сфере уголовного правоприменения идёт полнейший разгул правого нигилизма, о котором постоянно говорит наш министр юстиции и безуспешно борется с этим отвратительным явлением. Цинизм, исключительный цинизм, стал нормой правовой жизни отдельных чиновников со стороны обвинения - и с этим надо покончить окончательно.

И сколько бы не улыбалась в ответ на это г-жа Усачева, от таких прокуроров как она, открыто и сознательно искажающих смысл наших российских законов, порождающих тяжкие последствия (когда люди по 17 месяцев незаконно находятся под стражей по причине её правового цинизма), от таких прокуроров нашему государству следует избавляться, и чем быстрее подобные прокуроры будут выведены из состава российской прокуратуры, тем легче будет и судам и другим правоприменительным органам. А что такое 17 месяцев пребывания под стражей? Им – предпринимателям, которые в силу закона не могли оказаться под стражей, но оказались в тюрьме волею циничных решений г-на Раукина и г-жи Усачевой? Вы вспомните, как с дрожью в голосе говорил Абрамидзе о том, в какую камеру его помещали, как готовили его к размещению в камере, где содержались лица, совершившие особо тяжкие преступления, в так называемую «пресс-хату», как вступились за него люди, у которых остались частички совести. А ведь это не могло быть случайностью, Ваша честь! С чего это ради, администрация тюрьмы будет размещать предпринимателя в одной камере с лицами, совершившими особо тяжкие преступления, в нарушение существующего закона? Это не случайность. Это результат запрещенного законом давления на обвиняемого, того самого незаконного давления, которое должно было возыметь соответствующие грязные последствия. В виде насилия над личностью, не признающей

свою несуществующую вину, в виде последующего самоговора и тому подобного. Это была спланированная деятельность господина Раукинаса и оперативников, которые сопровождали расследование этого дела. Они действовали как преступники, они хотели одного, хотели поместить людей в тюрьму, в «пресс-хату», где они (предприниматели) расскажут всё, что угодно для следственной власти. Они привыкли жить не по законам, а по своим циничным понятиям. Это они почти «сломали» обвиняемую Елену Югай. Вы помните, что после противозаконной обработки обвиняемой Югай со стороны следственной власти и адвоката, активно способствовавшего обвинителям, она, несчастная, назвала следователю дюжину своих, ни в чём не повинных коллег в качестве участников несуществующей «преступной группы». Я спрашиваю: Кому это нужно? Неужели государству нужны такие противозаконные результаты расследования? Я уверен – этому нужно положить конец! От всех тех, кого они поместили в следственный изолятор, они хотели одного – под давлением оперативников и уголовников незаконно получить «псевдодоказательства» несуществующих преступлений. Вспомните диалог, о котором рассказали подсудимые. *Вы, «господин предприниматель», никто, Вы ничто, Вы пыль подзаборная! Вот Вы говорите «закон», Вы говорите «мы предприниматели», а мы плевать хотели на то, что Вы говорите, мы здесь представляем закон, мы сказали, что это так, и так будет. Сказали «сидеть» – и будете «сидеть!»*

Надеюсь, что здоровой части общества удастся, наконец, остановить этих «правоприменителей».

Ваша честь, Вы представляете, какие огромные надежды подсудимые связывают с тем, что в нашей стране еще осталось правосудие, что еще остались люди, которые способны сказать на «черное», что это «черное», а на «белое» – что это «белое», еще остались судьи, которые способны сказать по их делу, что никакого хищения не было, невзирая на циничные выкрутасы представителей стороны обвинения. Мы верим в то, что правда восторжествует. Что правосудие состоится. Также мы верим в то, что по заявлениям подсудимых будет возбуждено уголовное дело в отношении тех, кто сфабриковал их «уголовное дело» и тех, кто способствовал тому, чтобы это дело прожило долгую, безобразную жизнь, уничтожая понятие добра и проповедуя откровенное зло. Люди, сфабриковавшие это дело, должны понести заслуженное наказание. Эти люди гораздо более общественно опасны, чем может показаться на первый взгляд. Ведь для того, чтобы честно расследовать это дело, нужно было всего лишь принять очевидный факт, то есть то, что Волков, Абрамидзе, Авраамов занимались предпринимательской деятельностью, а уж затем

анализировать реально совершённые ими действия в сфере (безусловно) предпринимательской деятельности. Реально совершенные, а не вымышленные действия.

Для того, чтобы все было по закону и чтобы быстро убедиться в отсутствии каких-либо хищений, следователю нужно было знать всего лишь два закона, и иметь хотя бы малейшее представление о том, что такое «предпринимательская деятельность». Если следователь в ходе расследования дела столкнулся с конкретными гражданско-правовыми отношениями по возмездному оказанию услуг, ему нужно было, прежде всего, поинтересоваться, – а какими нормами права регулируются отношения сторон в договоре возмездного оказания услуг? Статья 783 Гражданского Кодекса РФ является прямым регулятором этих отношений. Ваша честь, надо было всего лишь прочитать название контракта и ознакомиться с содержанием упомянутой статьи. Потому что она прямо так и называется – «правовое регулирование договора возмездного оказания услуг». Любому человеку понятно, что если это договор об оказании услуг, то он регулируется гражданским правом. Мне даже страшно предположить, что Раукинас и Усачева этого не знали. Тогда позвольте спросить, почему они занимают свои ответственные должности. Незнание законов прокурором, это скорее отягчающее обстоятельство, и уж никак это обстоятельство не может освободить их от ответственности за совершённые ими общественно опасные действия при исполнении служебных обязанностей.

Итак, первое, что нужно было сделать,- это прочитать и вникнуть в содержание статьи 783 ГК РФ, которая так и называется «правовое регулирование договора возмездного оказания услуг». Вот текст закона:

«Общие положения о подряде (статьи 702-729) и положения о бытовом подряде (730-739), применяются к договору возмездного оказания услуг, если это не противоречит статьям 779-782 настоящего Кодекса, а также особенностям предмета договора возмездного оказания услуг».

Это гражданско-правовое правило полностью применимо к исследуемым нами отношениям по возмездному оказанию услуг, которые были определены в исследованных нами контрактах. Стало быть, статьи с 702-ой по 729-ую применимы к договору возмездного оказания услуг. Вот тут бы, как раз, взять и осмыслить эту применимость. Мы Вам передали, Ваша честь, для приобщения к делу сборник информативных таблиц, содержащий несколько иллюстративных схем. Если возможно, обратите внимание на схему, иллюстрирующую составные компоненты цены в договоре возмездного оказания услуг (Схема № 1). Поскольку это правило, в силу прямого указания закона

(статьи 783 ГК РФ), распространимо на договор возмездного оказания услуг, то мы заменили в пункте 2 статьи 709 ГК РФ слова «в договоре подряда» на слова «в договоре возмездного оказания услуг», а слово «подрядчик» заменили на слово «исполнитель», поскольку стороной в договоре возмездного оказания услуг является «исполнитель», и получили лингвистически адаптированный текст правового правила, которым регулируются исследуемые нами отношения. Вот это правило: **«Цена в договоре возмездного оказания услуг включает компенсацию издержек исполнителя и причитающееся ему вознаграждение»**, «вознаграждение» в договоре возмездного оказания услуг – это «прибыль». Я вынужден подчеркнуть это обстоятельство потому, что из содержания обвинительной речи следует, что обвинительная власть этого не понимает, а точнее не желает понимать. И это вполне объяснимо, поскольку по этому делу решались задачи не расследования дела, а его фабрикации.

Как мы уже многократно говорили в ходе судебного следствия, одним из решений по делу должно стать *частное постановление*, в котором следует отразить все допущенные следствием и прокурорами нарушения прав и свобод подозреваемых и обвиняемых по настоящему делу, а также нарушения законов, допущенных при производстве предварительного расследования дела и при передаче дела в суд. Я не буду перечислять все эти нарушения. Это займет слишком много времени.

А теперь мы проиллюстрируем графически норму права, напрямую применимую к исследуемым обстоятельствам, и определим структуру «цены договора», о которой говорится в пункте 2 статьи 709 ГК РФ. Госпожа Усачева цинично бросила реплику в ходе судебного следствия, что, дескать, это не норма закона, а всего лишь «норма в аранжировке адвоката Новолодского». Нет! Уважаемый государственный обвинитель, это не «аранжировка адвоката Новолодского», это воплощение императивной воли законодателя. Именно так регулируется договор возмездного оказания услуг. И замена слов – совершенно естественная техническая процедура, обеспечивающая полное понимание смысла нормы применительно к договорам возмездного оказания услуг. Улыбайтесь, улыбайтесь, госпожа Усачева, мне нравится ваш циничный подход к участию в прениях. А вот понравится ли он суду – это покажет время.

А теперь, Ваша честь, защита подсудимого Абрамидзе желает дать комментарии к структуре цены в договоре возмездного оказания услуг. Применительно к исследуемым обстоятельствам «цена договора» – это цена оказанных услуг. Это денежная сумма, которая была выделена законодателями нашего города в бюджете Петербурга, и была включена

в госконтракт с небольшими изменениями в сторону уменьшения, которые были определены условиями проведения конкурса. 9 миллионов 984 тысячи 326 рублей – вот это и есть цена договора возмездного оказания услуг по организации в Кронштадте праздничного мероприятия «Морская ассамблея». Если обвинителям это не понятно, то им следует немножко собраться с мыслями и пока ещё не поздно отказаться от нелепого обвинения предпринимателей в несуществующем хищении. Так вот, в эту цену, по воле законодателя, выраженной в пункте 2 статьи 709 ГК РФ, включена и прибыль. Это говорит не адвокат Новолодский, это устанавливает пункт 2 статьи 709 ГК РФ. И как бы вы с Раукинасом не исхитрялись, уважаемые государственные обвинители, изменить волю законодателя применительно к этому делу вам не удастся. Поэтому мы и говорим, что в цене договора, безусловно, есть прибыль, вот, мы ее обозначили на иллюстративной схеме желтым цветом по внешнему кругу. Что дальше? Кроме прибыли законодатель обязывает включать в цену договора и суммы, обеспечивающие полную компенсацию всех издержек исполнителя, которые он понёс, организуя оказание услуги в виде проведения праздничного мероприятия. Общий размер издержек исполнителей по организации и проведению мероприятий, подлежащих обязательной компенсации, ограничен первоначальной ценой контракта, оговорённой сторонами при его заключении. Она не может увеличиваться для покрытия издержек, превысивших её размер. Такова воля закона, определяющего структуру цены. Подчеркиваем, что в цену договора входят все без исключения издержки в пределах установленной контрактом цены сделки. Если в ходе судебного следствия мы установили, что эти издержки действительно были и их суммированное выражение не превышает цены контракта, то они должны быть возмещены исполнителю, в силу прямого указания закона. А именно пункта 2, статьи 709 ГК РФ, которая регулирует условия исполнения договора возмездного оказания услуг.

Кроме того, на этой схеме мы попытались показать, что, в нарушение упомянутого закона, лишь отдельные издержки, понесённые исполнителями по исследуемым контрактам, были учтены при составлении договора. Но значительная часть издержек исполнителей не могла быть предугадана и предусмотрена в контрактах на момент их заключения. Это, прежде всего, проблема методическая, проблема тех, кто работает над общим содержанием таких контрактов. Что имеется в виду? Вот, составители текста контракта, представляющие администрацию, включили в цену договора «световое и звуковое оборудование, видеооборудование, пиротехническое шоу, сценическое оборудование, услуги режиссерско-постановочной группы, рекламные услуги и т.д.». Но не учли, к примеру, издержки исполнителя на оплату

банковской гарантии. А это, безусловно, издержки исполнителя. Без уплаты банковской гарантии невозможно стать победителем в конкурсе – это обязательное условие конкурса.

Судебное следствие показало, что имелись и другие дополнительные издержки, выявившиеся лишь после подписания контрактов. Денежное выражение этих издержек весьма значительно. Если эти издержки «овеществились» в праздничных мероприятиях и их общее денежное выражение не превышает первоначально обусловленной цены контракта, то они полностью подлежат компенсации из общего объёма этой цены. Именно из цены контракта следовало компенсировать сумму издержек по банковской гарантии и другие издержки, выявившиеся после подписания контрактов. Это закон, это не обсуждается. Государственные обвинители не могут это понять, поскольку, к сожалению, стоят на экономически невежественных позициях.

Есть другая гражданско-правовая норма, которую, безусловно, нужно было изучить следователю и государственным обвинителям применительно к исследуемым по делу обстоятельствам. Это норма, содержащаяся в статье 710 ГК РФ (Схема № 3). Если бы они сделали это, то и самого дела, которое мы рассматриваем более полугодом, не было бы. В силу прямого указания закона, а именно статьи 783 ГК РФ, норма статьи 710 применима и к договору о возмездном оказании услуг. И вот, для того чтобы её применять на уровне, понятном даже участвующим в деле обвинителям, мы произвели адаптацию текста: слово «подрядчик» в тексте закона мы заменили на слово «исполнитель», а слова «договор подряда» заменили на слова «возмездное оказание услуг». Сделали мы это только для того, чтобы это правило закона было легче применять к исследуемым обстоятельствам и, чтобы это применение было понятно любому, даже неподготовленному человеку. Теперь, то правило, которое в силу закона подлежит применению в нашем деле, предстало перед нами в том виде, в котором даже Раукинас, наверное, мог бы его понять. Читаем: ***«В случаях, когда фактические расходы исполнителя, оказались меньше тех, которые учитывались при определении цены работы, исполнитель сохраняет право на оплату работ по цене предусмотренной договором возмездного оказания услуг, если заказчик не докажет, что полученная исполнителем экономия, повлияла на качество оказанных услуг».*** Обратите внимание на последнюю часть нормы. Применительно к нашему случаю, тот факт, что экономия была получена исполнителями без ухудшения качества оказанных услуг, был, бесспорно, доказан в ходе судебного следствия. Мы исследовали акты приемки-сдачи оказанных услуг, в которых отсутствуют какие-либо претензии по качеству. В суде были допрошены

несколько человек – представителей администраций, все они говорят, что никаких претензий к исполнителю по качеству оказанных услуг у них нет. Ни по качеству, ни по их объему. Именно поэтому, говорят свидетели, мы и подписали акт сдачи-приемки оказанных услуг. А если это условие о качестве было выполнено, это означает, что вся экономия по закону должна оставаться у исполнителя в качестве его собственности, перешедшей к нему в силу договора. Причем обращаем Ваше внимание на нюанс. Очень важный для дела, ваша Честь. В ходе судебного следствия мы установили, что экономия состоялась еще до того момента, когда исполнителю нужно было составлять отчеты. Вы же знаете, Ваша честь, что в договоре имеется пункт, устанавливающий «предоставление отчета в течение пяти дней после завершения мероприятия». Но ещё до наступления времени, определяющего предоставление отчета, уже сложилась ситуация, урегулированная гражданско-правовой нормой, а именно статьей 710 ГК РФ. То есть, всё экономленное уже остается у исполнителя в силу прямого указания закона. Эта норма закона об оставлении всей экономии у исполнителя не может быть произвольно изменена договаривающимися сторонами. Если заказчик рассчитывал на иную «правовую судьбу сэкономленных денежных средств», то подобное договорное положение должно было содержаться в первоначальном проекте договора, входящем в комплект конкурсной документации. Я думаю, что в случае включения в проект контракта условия о дележе экономии между сторонами контракта, потенциальные участники конкурса, ознакомившись с предлагаемым условием, не стали бы участвовать в таком, экономически невыгодном, конкурсе.

Последующие отчеты о проведенных мероприятиях в отдельных моментах действительно содержали сведения, не соответствующие действительности. Но данное обстоятельство не может изменить базового положения, закрепленного в пункте 1 статьи 710 ГК РФ, согласно которому: ***«В случаях, когда фактические расходы исполнителя, оказались меньше тех, которые учитывались при определении цены работы, исполнитель сохраняет право на оплату работ по цене, предусмотренной договором возмездного оказания услуг, если заказчик не докажет, что полученная исполнителем экономия, повлияла на качество оказанных услуг».***

И самое главное: данное обстоятельство не может свидетельствовать о хищении денежных средств, выделенных городом на проведение праздничных мероприятий. По делу установлено, что мероприятия проведены в полном объеме, с надлежащим качеством, в силу чего, по закону, экономия остаётся у исполнителя. Для установления факта хищения в нашем деле не достаёт

«безвозмездности» изъятия имущества и «причинно-следственной связи» между выявленными несоответствиями в отчётных документах и обязательным для любого хищения *уменьшением чужой имущественной сферы*. В нашем деле не установлен сам факт безвозмездного уменьшения имущества контрагентов по договорам возмездного оказания услуг.

В своей речи я покажу, как должно было быть по закону и как случилось по сценарию Раукинаса, который для того чтобы поддержать своё надуманное преступление, был вынужден самостоятельно сочинить выгодные ему «законы» и тут же применять их к обстоятельствам расследуемого дела.

Невероятное дело! Следователь сам сочиняет законы и направляет в суд дело предпринимателей, якобы нарушивших эти его «самопальные» законы. Если бы я сам не участвовал в этом деле, я попросту не поверил бы в то, что такое возможно при живом прокуроре, надзирающем за законностью расследования этого дела.

Объявляется 10 минутный перерыв в судебном заседании.

Ваша честь!

В нашем случае никакого хищения не было, просто исполнители по договору о возмездном оказании услуг получили полагающиеся им по закону экономию и прибыль, которые, как уже говорилось ранее, входят в структуру цены по договорам о возмездном оказании услуг. И произошло это при весьма высоком уровне качества и надлежащем объёме оказанных услуг.

Но господин Раукинас с законами РФ не согласен. Это редкое дело, когда законы РФ господин Раукинас подменил своими собственными законообразными суждениями, им самостоятельно выдуманскими и применёнными в этом деле.

Я думаю, что людям, собравшимся в этом судебном зале, не нужно рассказывать, что это недопустимо. Не нужно рассказывать, что это опасно для существующего правопорядка любой страны, что это примитивно и глупо в конце концов. Самому следователю придумывать выгодные для себя законы и применять их в уголовном деле. Надо же было додуматься до такого!

А сейчас остановимся на том, что же конкретно навывдумывал господин Раукинас. Без этого невозможно будет разобраться в этом деле и «отделить зёрна от плевел». Ваша честь, если сочтёте возможным, обратите внимание на те схемы, которые по ходатайству стороны защиты были приобщены к материалам дела. На первой схеме отражено то, как должно быть по закону. Должны быть учтены не только те издержки, которые указаны в контракте, а все без исключения издержки, понесённые исполнителями контрактов, такие как оплата банковской

гарантии, расходы на содержание офиса, пропорционально рассчитанные расходы на зарплату сотрудников и так далее, поскольку все это ничто иное как издержки исполнителя по договору о возмездном оказании услуг. Такова воля российского законодателя.

А вторая схема, Ваша честь, иллюстрирует, не основанную на законе, волю следователя Раукинаса в виде его «самопального закона», которая цинично возглашает, что никакой прибыли в данном случае не может быть вообще (Схема № 2). Ему говорят: «А как же статья 709 ГК..? А он в ответ: «я сказал никакой прибыли быть не должно и быть посему». Ему обвиняемые говорят, «вот наши издержки, по закону цена договора включает средства, необходимые на их покрытие». А он в ответ: «учтены будут только те издержки, которые я сочту нужным учесть, а вся остальная часть цены договора – это похищенные вами денежные средства».

Воспроизведённый мною диалог между следователем и обвиняемыми не художественное оформление речи. Это «истинная правда». Состояние поступившего в суд дела всем своим нелепым существом подтверждает это. Ваша честь! Именно такая позиция следователя Раукинаса, положенная в основу сфабрикованного им обвинения, представлена на второй схеме. Именно такая позиция положена в основу обвинения, поддержанного вчера государственными обвинителями.

Подход Раукинаса к обстоятельствам расследуемого дела был предельно прост: прибыль вам, господа предприниматели, не положена, есть расходы, исключительно те, которые непосредственно включены в контракт, только они и будут учтены, все остальные издержки не учитываются. И все это откровенное убожество правовой мысли мягко перекачилось в правовую позицию участвующих в деле государственных обвинителей.

А может и не было вовсе никакой правовой мысли, а было всего лишь непреодолимое желание сфабриковать дело из 90 томов и 17 000 нелепых вещественных доказательств? Тем хуже для этих зарвавшихся чиновников, по недоразумению занимающих высокие должности в системе российского правоприменения. Надеюсь, что их деяния не окажутся безнаказанными.

Вот цитата из выступления прокурора Татариновой, она говорит вполне серьезно следующее:

«Неважно, была ли оказана услуга или нет. Если нет подтверждающих документов, то это значит, услуга оказана не была, а значит, денежные средства, выделенные на её оказание, похищены». Цитата приведена дословно.

Эту глупость говорит в суде российский прокурор Татарина в своей обвинительной речи. Я ещё раз оглашу этот фрагмент речи. Я сделаю это для того, Ваша честь, чтобы цинизмом и абсурдом сказанного проникся каждый из присутствующих в зале граждан. Вслушайтесь, пожалуйста, Ваша честь: *«Неважно, была ли оказана услуга или нет. Если нет подтверждающих документов, то это значит, услуга оказана не была, а значит, денежные средства, выделенные на её оказание, похищены»*. Приведу по такому случаю пример с тракторами по Колпинскому эпизоду вменённого «хищения».

Все умные, честные люди, присутствовавшие в судебном зале, видели в ходе просмотра соответствующих видеозаписей, что в Колпино для перемещения надувных конструкций «Вертолётик» и «Бочка» были использованы минитракторы. Подсудимые представили суду и другие доказательства того, что эти тракторы были привезены к месту праздника на специально оборудованных платформах и что эта доставка безусловно требовала денежных затрат на их транспортировку.

А вот теперь к этим фактическим обстоятельствам нашего дела попытаемся применить циничный метод государственного обвинителя Татарина, которая предлагает суду следующую формулу «правового» решения по поводу минитракторов, обеспечивающих проведение Колпинского праздника. Вот эта «формула», я процитирую её ещё раз:

«Не имеет значения, – были тракторы или нет, была ли фактически оказана услуга или нет, если исполнители документов не представили, значит тракторов не было, а деньги в указанной части были похищены.»

Вот почему, Ваша честь, я начал свою речь с представления и сравнения двух правовых подходов, которые предлагаются суду сторонами процесса. Я сделал это для того, чтобы показать всю изощренность, экономическую бессмысленность и вредность той позиции, на которой построено обвинение. И для того, чтобы наглядно продемонстрировать, что подход к оценке обстоятельств дела, предлагаемый стороной защиты, основан исключительно на действующем в стране законодательстве и здравом смысле.

Я могу поверить во что угодно, я излишне доверчивый. Но поверить в то, что Вы, Ваша честь, в приговоре способны признать состоятельной упомянутую позицию обвинения, я просто не могу. Это исключительный правовой цинизм. По типу Козьмы Пруткова: ***«Не верь глазам своим»***. Трактора были, Ваша честь, Вы видели их своими глазами при просмотре видеозаписи Колпинского праздника, значит, издержки по их доставке и использованию подлежат безусловной компенсации.

Какое насилие надо совершить над своей совестью, чтобы записать в приговоре, что услуга, по участию в празднике тракторов, оказана не была, а деньги были похищены? Об этом даже подумать страшно.

Как же похищены, госпожа Татарина? Ведь есть же нормы закона, определяющие, что цена в договоре о возмездном оказании услуг включает в себя денежные суммы, предназначенные для компенсации реальных издержек исполнителя. Следовательно, издержки, которые были произведены на доставку тракторов к месту праздника и непосредственное их участие в празднике, подлежат компенсации из цены договора. Должна быть совесть, которой следует руководствоваться прокурорам, предлагающим суду свои оригинальные правоприменительные решения. На примере с тракторами становится понятным, почему следователь Раукинас самостоятельно придумал «закон» к своей выгоде. Придуманый Раукинасом «закон» этот был таким – ***«цена включает издержки исполнителя только в том случае, если будут представлены подтверждающие документы»***. Думаю, что этой законообразной выдумке следователя Раукинаса пришёл конец, несмотря на активную её поддержку государственными обвинителями – ярыми «поклонницами странного таланта Раукинаса в области нормотворчества».

Ваша честь! Государственные обвинители сознательно стремятся сконцентрировать Ваше внимание не на реальных обстоятельствах дела, характеризующих организацию и проведение праздничных мероприятий, а исключительно на пресловутых отчетах о праздниках, извращая реальную экономическую сущность исследуемых отношений между «заказчиками» и «исполнителями» по исследуемым контрактам. А сторона защиты возвращает Ваше внимание к реальным обстоятельствам дела: к организации праздников и к содержанию законов, регулирующих исследуемые хозяйственные отношения.

Наша позиция проста – если заказчик пожелал, чтобы в празднике участвовали надувные конструкции, изображающие «Вертолётик» и «Бочку», и они действительно были изготовлены исполнителями контракта и участвовали в празднике, то исполнитель (при отсутствии претензий к качеству оказанной услуги) имеет право на компенсацию всех издержек, связанных с участием этих конструкций в праздничном мероприятии, включая издержки исполнителя по их доставке и транспортировке. Фактически понесённые издержки должны компенсироваться исполнителю даже в тех случаях, когда исполнитель в своих отчётах не представил первичные документы по изготовлению упомянутых конструкций и их транспортировке к месту праздника. Такое решение является единственно возможным, поскольку, просматривая видеодокументы, суд мог непосредственно убедиться в том, то эти

конструкции были действительно изготовлены и принимали участие в празднике. А это для непредвзятых исследователей означает, во-первых, то, что помянутые конструкции действительно были изготовлены, а во-вторых, что они были доставлены к месту проведения праздника и участвовали в его проведении. На то и на другое имелись затраты, что в соответствии с пунктом 2 статьи 709 ГК РФ означает: ***все связанные с этим издержки подлежат компенсации из цены договора.***

Вот я представил Вам, Ваша честь, *две взаимоисключающие позиции* состязующихся по делу сторон: *одна – позиция* российского законодательства, которой должен был руководствоваться следователь, этими же нормами руководствовались подсудимые – они пояснили суду, что еще в самом начале 2000 годов консультировались у адвоката, и он им разъяснил те правила, которые известны любому юристу, даже тем, которые в течение 2 лет цинично отстаивают выгодную им неправду. Но есть и *другая позиция*. Её отстаивают, несмотря ни на что, представители стороны обвинения. Это яркий фрагмент нелепой обвинительной позиции.

Прокурор Татарина сослалась в своей речи на часть 4.1 статьи 9 ФЗ № 94. Вот текст закона, сформулированный в этом пункте: ***«Цена контракта является твердой и не может изменяться в ходе его исполнения, цена контракта может быть снижена по соглашению сторон, без изменения предусмотренных контрактом количества товаров и объема услуг и т.д.»***. Уважаемый прокурор, разве кто-то с этим спорит? Вот Вы говорите суду, – «смотрите, Юрий Михайлович говорит неправду – контракт и его условия могли быть изменены». Да, это действительно так, но условия контракта могли быть изменены только *по соглашению сторон*. Пункт 1 статьи 310 ГК РФ категорически определяет это: ***«односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий не допускается»***. А с чего бы ради исполнители в заключаемых ими договорах на оказание возмездных услуг стали бы изменять к своей невыгоде положения закона, гарантирующего оставление им в собственность выявившуюся экономию? Поэтому рекомендую Вам, уважаемый обвинитель, прежде чем обвинять в недобросовестности своих процессуальных противников, внимательно изучить законы, регулирующие исследуемые общественные отношения и немного задуматься над их содержанием. И обратить внимание на то, что тексты исследуемых нами контрактов, были составлены не подсудимыми, а чиновниками городской администрации. Они не содержат положений, ориентирующих стороны на договорное снижение цены контрактов. А это означает, что без согласия исполнителей этих контрактов упомянутое Вами положение закона не применимо к исследуемым случаям. Всё предельно просто, товарищ прокурор. А вы ещё пытаетесь уличать

сторону защиты в том, что мы якобы неправильно толкуем закон. Поймите, пожалуйста, что именно потому, что очень трудно заранее предвидеть весь объём предстоящих издержек по организации массовых мероприятий, вот именно поэтому, только самые крупные из них, распределённые по соответствующим разделам, можно предусмотреть заранее и включить их в предварительные сметы перед заключением контрактов. А все остальные издержки обнаруживаются, как правило, в ходе исполнения контрактов. Такова жизнь! Сидя в кабинете невозможно предусмотреть её безграничное многообразие. Иначе могут думать только весьма недалёкие люди, не сотворившие в своей кабинетной жизни ничего реально полезного для общественной жизни.

Но обвинители могут возразить мне, дескать: «в *договоре* указано, что должны быть предоставлены отчеты субподрядчиков или соисполнителей». Указано и точка! Чего тут рассуждать? Рассуждать всё-таки придётся. Необходимо определить понятия. Что такое «соисполнители» – нам весьма навязчиво и расплывчато пытались объяснить заинтересованные лица – «свидетель» Сачков и так называемый «специалист» Кузьмин. Вы, Ваша честь, отказали стороне обвинения в удовлетворении ходатайства о допуске господина Сачкова к участию в деле в качестве специалиста. Мотивом к принятию такого решения послужила его заинтересованность в исходе дела, подтверждённая на формальном уровне. Спешная «перелицовка» Сачкова из «специалистов» в «свидетели», произведённая гособвинителями, мало что изменила по существу. Его личная заинтересованность в исходе дела осталась. Он её блестяще продемонстрировал и в новом качестве «свидетеля», который сам ничего из интересующих нас обстоятельств дела непосредственно не воспринимал, но по любому вопросу был готов сообщить суду своё заинтересованное мнение. Очевидно, что сведения, полученные от заинтересованного свидетеля, вряд ли могут рассматриваться в качестве надлежащего средства доказывания по столь серьёзному уголовному делу.

Наиболее чётко понятие «соисполнитель» определила специалист-аудитор Маргарита Николаевна Чуприна, вызванная в суд по ходатайству стороны защиты. Она разъяснила участникам процесса, что понятие «соисполнитель» к исследуемым отношениям вообще неприменимо. При этом она назвала нормативные акты, в соответствии с которыми «соисполнительство» применяется лишь в двух сферах: это научная деятельность, когда несколько соавторов совместно пишут, к примеру, один учебник. Или в сфере научно-изыскательских работ. Оба этих случая мотивированы самой жизнью. А в нашем случае никакого «соисполнительства» быть не может. И подсудимые неоднократно говорили о том же, что никаких «субподрядчиков» или «соисполнителей»

они к организации праздников не привлекали. Весь объём предусмотренных контрактами услуг по организации праздничных мероприятий они оказывали исключительно силами работников группы компаний «МегаСтар», то есть собственными силами.

И вот сейчас, Ваша честь, я поставлю очень важный для настоящего дела вопрос. Может быть после его постановки и обвинители поймут свои ошибки и, возможно, откажутся от выдвинутого ими надуманного обвинения. В исследуемых нами отношениях не было ни подрядчиков, ни соисполнителей. А если это так, то *от кого нужно было требовать отчет?* В контракте говорится, что субподрядчик может появиться в рамках исследуемых договорных отношений только с согласия заказчика. Разве в ходе судебного следствия мы установили, что имелись какие-то обращения «исполнителя» к «заказчикам» за согласованием привлечения к оказанию услуг каких-то «субподрядчиков» или «соисполнителей». Таких обращений не было, а это означает, что в ходе исполнения исследуемых контрактов положение о возможности привлечения к исполнению «субподрядчиков» или «соисполнителей» так и не было реализовано. Тогда спрашивается: *от каких «субподрядчиков» и «соисполнителей» следователь Раукинас и государственные обвинители требуют представления отчетов о произведённых расходах с приложением к ним «первичных расходных документов? Разве кто-то из многочисленных свидетелей, представляющих в суде сторону «заказчиков», указал нам хотя бы на единственный случай обращения к ним «исполнителя» за получением согласия на привлечение к исполнению контрактов каких-либо «субподрядчиков» или «соисполнителей»? На этот вопрос придётся ответить отрицательно. Никакие «субподрядчики» или «соисполнители» к исполнению контрактов не привлекались и согласие заказчиков на их привлечение не испрашивалось. Следовательно, требование о предоставлении каких-то отчетов от каких-то несуществующих «субподрядчиков» и «соисполнителей», которых в исследуемых договорных отношениях не было, представляется стороне защиты совершенной нелепицей. Это весьма похоже на полный абсурд, в виду отсутствия в подобном требовании элементарной логики. Субподрядчиков не было – а отчёты от них изволь представить.*

Правильно объясняла нам упомянутое недоразумение специалист-аудитор Маргарита Николаевна Чуприна: *«Просто кто-то подготовил проект договора «на все случаи жизни», включив в его текст формулировку на тот случай, когда в исполнении контрактов будет предполагаться участие «субподрядчиков» и «соисполнителей»»,* но к исследуемым случаям этот текст контракта (в упомянутой части), попросту не применим. В данных отношениях не было ни «подрядчиков», ни «соисполнителей». И вот тут-то всё закрутилось

вокруг этого пресловутого пункта исследуемых контрактов. Это случилось в так называемом «втором тайме» судебного следствия, искусственно навязанного участникам процесса стороной обвинения. Когда сторона обвинения осознала, что фактологическая почва этого дела окончательно уходит из-под их ног, они заставили всех «сыграть второй тайм», дабы использовать последние призрачные шансы на обвинительный приговор.

Дальше, как выяснилось, сторона обвинения попыталась организовать и «третий тайм» своей нечестной игры, существенно попирая принципиальные основы справедливого судопроизводства. Эти действия государственных обвинителей, конечно же, не соответствуют закону, но законы для наших представителей государственного обвинения «не писаны». Законы – это то, что мешает им осуществить задуманное беззаконие в этом деле.

Я подробно осветил суду глубоко ошибочную концепцию стороны обвинения, концепцию, которая была положена в основу исследуемого нами обвинения. Я подробно изложил и позицию защиты по этому делу. Я не буду по каждому вменённому эпизоду анализировать каждое обвинительное утверждение. Этих утверждений в обвинительном заключении более пятисот. Я привлеку Ваше внимание лишь к нескольким обстоятельствам нашего дела. По каждому из исследуемых эпизодов. Чтобы показать всю порочность подхода, применяемого стороной обвинения, и правильность подхода к оценке установленных по делу обстоятельств, используемого стороной защиты.

В частности, государственный обвинитель Татаринова посчитала, что подсудимые не производили оплату приезда и проживания в Петербурге группы «Мумий Тролль». Поскольку свидетель Любакина дала показания о том, что, вероятно, их приезд и проживание оплатил организатор коммерческого выступления в ночном клубе, в котором группа выступала после исследуемого праздника «Морская ассамблея». Вот госпожа Татаринова так и заявила: «я очень сомневаюсь, что это было так», как показали подсудимые. Но если вы «очень сомневаетесь», товарищ прокурор, вам, наверное, известно, что есть статья 14 «Презумпция невиновности». И вы можете постараться эти сомнения устранить в полном соответствии с законом. А если вы эти сомнения не устранили, значит, эти сомнения должны быть истолкованы в пользу подсудимых. Или вы опять не согласны с законом в указанной части? Или Вам не известен сам закон, устанавливающий презумпцию невиновности? Или вам больше по нраву «презумпция виновности»? Придётся прокурорам как-то мириться с российскими законами или общество будет вынуждено принимать меры к устранению их с «правового поля», где решаются человеческие судьбы. Всё, в чём сомневаются прокуроры и в

чём сомнения не удалось устранить, – бесспорно должно быть истолковано в пользу подсудимых.

Свидетель же Зубакина, на самом деле, дала иные по содержанию показания, совсем не те, которые были произвольно интерпретированы прокурором Татариновой к выгоде неправого обвинения. Я процитирую протокол судебного заседания от 22 марта 2016 года.

Адвокат Новолодский спрашивает свидетеля: «А прилетели артисты в Санкт-Петербург, а затем в город Кронштадт, как стая журавлей? Или на самолёте прилетели?» Свидетель Зубакина отвечает: «В связи с организацией концертов всегда есть расходы, которые тоже несут организаторы обычно. *Кто нёс расходы в этот раз – не знаю. Возможно, организаторы мероприятия в Кронштадте*». Вот они – действительные показания свидетеля Зубакиной. Как из этих показаний могло получиться утверждение о том, что госпожа Зубакина явилась в указанной части свидетелем обвинения. Она говорит: «возможно, организаторы концерта платили за авиационные перелёты и проживание этой группы». Очень даже хорошо говорит. И подсудимые говорят: да, да, это мы оплатили. Что же даёт государственным обвинителям право говорить, что это было не так? Что, якобы, доказано противоположное. Такое возможно только в том случае, если обвинители при оценке доказательств не руководствовались совестью, как того требует статья 17 УПК РФ. Весь опыт участия в этом деле государственных обвинителей показал, что они руководствуются в этом деле исключительно постыдной презумпцией виновности. К счастью, суд руководствоваться презумпцией виновности не может, не имеет права.

Представляю суду другой факт, который проистекает из неправильного толкования обвинителями российских законов и из их попытки применить в этом деле не существующие законы. Государственный обвинитель Татаринова заявила в своей обвинительной речи, что передача денег представителю Александра Розенбаума в сумме – 500 000 рублей без расписок и данных того лица, которому были переданы деньги, представляется стороне обвинения «весьма сомнительным обстоятельством». «Передать вот так 500 000 рублей без расписок, без каких-либо подтверждающих документов» – это вызывает большие сомнения» – говорит прокурор. Да, мы рады, что хоть что-то вызывает у вас сомнения. Понимаете? Но если есть сомнения, значит вы должны, бесспорно, доказать, что на самом деле все было «не так», а было «вот эдак» и устранить тем самым все сомнения на сей счёт. А если на момент вашего выступления в прениях у вас остались сомнения, вы должны были сказать совсем другое, и истолковать неустранимые сомнения в пользу подсудимых. Этого требует российская Конституция, требует уголовно-

процессуальный закон, который, конечно, вам не указ, поскольку у вас есть циничная позиция, о том, что именно Вы представляете в суде «Закон» и вам виднее как его следует применять.

Государственное обвинение утверждало в прениях, что Юрий Лоза якобы выступал на мероприятии бесплатно, сославшись при этом на его объяснения в ходе следствия. Сразу вспомнилось яркое высказывание Фёдора Шаляпина о том, что «бесплатно только птички поют...» Однако всё, что говорят участвующие в нашем деле прокуроры, подлежит тщательной проверке. Вот и проверим объяснения Лозы, данные им на досудебной стадии, поскольку в суде господин Лоза не допрашивался. Вот цитата из объяснений артиста Лозы: «Я не помню, принимал ли я участие в концерте (имеется в виду «Морская ассамблея»), а может быть и не принимал. Договор на сумму 650 000 рублей не заключал, а также не получал 650 000 рублей за участие в «Морской ассамблее».

Можно ли считать эти весьма расплывчатые рассуждения артиста утверждением о факте? Исходя из того, что в ходе неряшливо проведённого опроса его спросили: «Вы договор заключали на участие в «Морской ассамблее»? По нему получали 650 000 рублей?» Каков вопрос, таков и ответ. Он и отвечает: «Такого договора не заключал. А раз не заключал, то и денег в сумме, обозначенной в вопросе, не получал». Означает ли это, что он вообще не получал денег за своё выступление в Кронштадте? Конечно же, не означает. На этот счет были последовательные показания подсудимых – как это было, как это все происходило. Как и кем передавались деньги для выступления Лозы на этом мероприятии. Не верите свидетелям? Хотите опровергнуть их показания? Действуйте, пока ещё не поздно. Мы столько много обстоятельств исследовали, осталось совсем чуть-чуть, приведите хоть какие-нибудь доказательства, опровергающие показания свидетелей и способные убедить суд в вашей правоте. А суд обязан доверять подсудимым до тех пор, пока их объяснения не будут опровергнуты стороной обвинения с помощью допустимых, вызывающих доверие доказательств. Только в нашем деле нет, вообще, никаких доказательств. Об этом смешно говорить – в этом уникальность этого дела – дело есть, а никаких доказательств по делу нет вообще.

Можно ли допустить, что в деле действительно имеется 17 тысяч вещественных доказательств? Само упоминание о 17 000 вещественных доказательств приводит к мысли о том, что уровень правосознания должностных лиц, проводивших предварительное расследование дела, и прокурора, который осуществлял прокурорский контроль за этим расследованием – оставляет желать лучшего. Это, конечно, обидно выслушивать такие слова, но совершенно справедливо. В одном уголовном деле столько вещественных доказательств не может быть «по

определению». Если конечно правильно понимать, что такое «вещественное доказательство». А чтобы посмешить народ, нужно вспомнить, какие «вещественные доказательства» содержатся в этом деле. Взять, к примеру, такое вещественное доказательство, как «*54 листа чистой бумаги формата А4*» (?!). Иначе как издевательством над здравым смыслом и правосудием это назвать нельзя. «*Ключи от автомобиля*» (невозможно понять от какого) и многие тысячи других совершенно бессмысленных постановлений, которыми всё, что попадалось под руку, что было изъято из районных администраций и при обысках в других местах, всё бездумно признавалось «вещественными доказательствами». Я впервые сталкиваюсь с тем, что в простейшем деле в качестве вещественных доказательств были признаны 17 000 самых различных предметов и документов, ничего доказательственного в себе не содержащих. Видите, как маскируется под настоящее совершенно бессодержательное уголовное дело! Воистину не дело, а некий незаконнорожденный правовой уродец! Настолько этот уродец безобразен собою, что его самого-то в суд затащили, а седалище его столь огромно, что волочится по улице. Настолько огромно, что места для размещения этого седалища в суде попросту не нашлось. И N-ое количество коробок с вещественными доказательствами вопреки закону остались вне суда – места в суде для них не нашлось. И эти «вещественные доказательства» находятся непонятно где, хотя по закону все они должны находиться в суде вместе с уголовным делом. Для наших доблестных уголовных преследователей закон ровным счетом ничего не значит. Поскольку вся их деятельность исключительно цинична и направлена на не установление фактических обстоятельств этого уголовного дела, а на их искажение, на откровенное введение в правосудия в заблуждение. И не случайно докатилось эхом до суда, что сторона обвинения путём представления в суд невероятно огромного объёма пытается оказать на суд своеобразное психологическое давление. Дескать, мы тут работали, работали не покладая рук, – 17 000 вещественных доказательств собрали! Потому, мол, полагаем, что суд достаточно сознательный и понимает, что иного приговора кроме обвинительного по этому делу выносить нельзя. Я думаю, от такой позиции государственным обвинителям должно быть стыдно, но это, конечно же, при наличии совести.

Я вижу, как плохо Вы, Ваша честь, реагируете на то, что я критикую обвинительную власть. Это дело невозможно понять и рассмотреть законно и справедливо, без критики тех, кто занимался уголовным преследованием лиц, находящихся на скамье подсудимых. Это уголовное дело, как и множество других дел, подлежит рассмотрению в открытых судебных заседаниях, именно для того, чтобы все могли видеть до какого уровня несовершенства дошло наше уголовное

правоприменение на стадии так называемого предварительного расследования уголовных дел. Прокуроры являются публичными фигурами, адвокаты являются представителями общества и от лица общества должны обращать внимание судебной власти на недопустимость подобной следственно-прокурорской практики. И всё это мы делаем ещё и для того, чтобы по делу было вынесено частное постановление, указывающее на невероятные нарушения российских законов, которые были допущены по этому делу. По делу, в котором, как оказалось, никакого хищения не было.

Далее прокурор Татарина заявила, что якобы на просмотренных ею интернет-страницах указаны цены за полновесные концертные выступления «звёзд эстрады», а в исследованных нами эпизодах «звёзды» исполняли всего по 2-3 песни, в связи с чем, интернет-данным о цене артистических услуг верить нельзя и использовать эти сведения для разрешения дела тоже нельзя. Прокурор, по-видимому, не понимает, что артисту совершенно наплевать, две песни он споёт на мероприятии или четыре...

Вы, уважаемый обвинитель Усачёва, зря издаёте какие-то непонятные звуки во время выступления Ваших процессуальных оппонентов. Да, уважаемая госпожа Усачева, всё обстоит именно так, как было сказано мною. Если Вы считаете, что дело обстоит по-другому, вам надо не звуки издавать нечленораздельные, а в дополнениях к своей ошеломляющей 21-секундной обвинительной речи привести доказательства своей правоты. Только в организации этого бизнеса Вы ничего не понимаете, никакого опыта по этой части у Вас, по-видимому, нет, даже самого элементарного. Поэтому Вам следовало внимательно слушать сведущих людей, допрошенных по делу, и, воспользовавшись советом Президента страны, отказаться от поддержания откровенно нелепого обвинения.

Я продолжу свою речь. Здесь, если помните, были допрошены свидетели, долгие годы проработавшие в этой сфере предпринимательской деятельности. Они говорили суду, что для артистов не имеет значения, сколько песен они споют на том или ином мероприятии. Для участия в любом мероприятии, связанном с выездом из места своей дислокации, у них существует одна цена. Это определяется элементарной экономической логикой, руководствоваться которой государственные обвинители по нашему делу категорически отказываются.

Остановилась госпожа Татарина и на уборке территории, проводимой по окончании праздничных мероприятий, и на издержках, связанных с установкой биотуалетов. Суждение её сводилось к тому, что администрация как бы за свой счет устанавливала туалеты, она же их и

убирала. Получается, что государственные обвинители в очередной раз ничего и не поняли из того, что говорили по этому поводу подсудимые и допрошенные по делу свидетели. Придётся провести дополнительное повторное разъяснение. В показаниях подсудимых речь шла о туалетах, которые находились в зоне ответственности исполнителя, которая была огорожена специальным ограждением и куда никто из посторонних лиц не мог попасть. Внутри этого ограждения находились специальные палатки для всех сотрудников, организующих проведение мероприятия, а также палатки для размещения артистов. Очевидно для любого добросовестного исследователя, что там же находилось и несколько кабин биотуалетов в количестве, достаточном для комфортного пребывания на этом пространстве нескольких десятков человек, непосредственно участвовавших в организации и проведении праздничных мероприятий. Бывают, конечно, великие артисты, но, как показывает опыт, они тоже иногда хотят писать и какать, и они должны иметь поставленные недалеко от их палаток передвижные биотуалеты повышенной комфортности. Обязанность обеспечить мероприятие такими туалетами, это обязанность исполнителя. Вот про эти туалеты, товарищ прокурор, шла речь в показаниях подсудимых и свидетелей, а вот те туалеты, которые устанавливались для населения вне упомянутого ограждения, их действительно поставляла и оплачивала районная администрация. На компенсацию издержек на установление этих туалетов сторона защиты не претендует.

Ваша честь, а вот издержки по аренде и размещению биотуалетов в упомянутой зоне должны войти в издержки исполнителя и эти издержки должны компенсироваться за счёт цены контрактов. А позиция, которую занимают наши уважаемые обвинители, она порочна. Я уже говорил о ней: *«Не имеет значения, – была услуга или нет. Документов не представлено, значит украли»*. Выбор за Вами, Ваша честь.

Далее прокурор Татарина говорит, что не может доверять показаниям свидетелей Сабодаж и Курочкина, поскольку они заинтересованы в исходе дела. Курочкин, видите ли, работал и работает на Абрамидзе, следовательно, находится в служебной зависимости от него, а Сабодаж, дескать, пояснила, что Абрамидзе оплачивал её услуги по приглашению артистов к участию в праздничных мероприятиях, в силу чего якобы тоже заинтересована в искажении истины. Если следовать такой циничной логике прокуроров, тогда преступление, совершенное в какой-нибудь узкопрофессиональной среде, может вообще лишиться всех без исключения свидетелей. Тому свидетелю нельзя доверять «потому-то», а этому «посему-то». Прокурорам невдомёк, что оценка возможной заинтересованности свидетелей принадлежит исключительно суду. Стороны могут высказать суду свои

суждения о заинтересованности свидетелей, но эти суждения должны быть более серьёзными и аргументированными, нежели те, которые были приведены обвинителем Татариновой применительно к показаниям свидетелей Сабодаж и Курочкина.

Показания этих свидетелей полностью соответствуют действительности, сообразуются с другими исследованными по делу доказательствами и не могут быть отвергнуты судом по мотивам, предложенным обвинителем Татариновой. Обвинители последовательно придерживаются крайне неубедительной и циничной позиции, сводящейся к тому, что *«всех, чьи показания нам не нравятся, мы уличим в том, что они заинтересованы в исходе дела, а свидетелей, чьи показания нам подходят, мы впишем в число «чистых, непорочных свидетелей».*

Приведу по Колпинскому празднику ещё один примечательный эпизод. Как было установлено в ходе судебного следствия, расходы по выполнению райдера певицы «Максим» понесла фирма «Золотой граммофон», с которой эта артистка заключала договор о выступлении в Колпино, поэтому, говорят обвинители, показания подсудимых о том, что эти расходы, в конечном счёте, понесли они, как исполнители по контракту, являются ложными. Как просто жонглировать фактами и человеческими судьбами, обвиняя подсудимых в даче ложных показаний! Прокурор говорила так, несмотря на то, что фирма «Золотой граммофон» входила в состав группы компаний «МегаСтар» и была специально предназначена для оформления взаимоотношений с московскими артистами и финансовыми расчётами с ними. В конечном итоге расходы по бытовому райдеру певицы «Максим» стали издержками бизнеса, организованного Волковым, Абрамидзе и Авраамовым. Если издержки по райдеру певицы «Максим» действительно имели место, никакие рассуждения прокуроров, обосновывающие несуществующее хищение, не должны приниматься в расчёт. Реально произведённые издержки подлежат компенсации из денежных сумм, составляющих цену контракта. А расчёты с компанией «Золотой граммофон» – это внутренние хозяйственные отношения этих двух предпринимательских структур. Главное обстоятельство, которое следует установить, – была ли в действительности оказана услуга (по участию певицы «Максим» в исследуемом мероприятии) и понёс ли в связи с этим издержки исполнитель обязательств по контракту. И если это было, то выявившиеся издержки ни при каких условиях не могут рассматриваться в качестве «хищения». Следует отвергнуть порочную позицию обвинения. Напомню её: «были или не были – это не имеет значения, представлены документы, – значит оплата законная, а если были расходы, но документов нет, значит, деньги, реально потраченные

на исполнение бытового райдера певицы «Максим», были похищены подсудимыми.

И теперь стоит перейти к тому, а что же уважаемые прокуроры понимают под «хищением»? Может быть, их понимание хищения существенно отличается от общепринятого понятия. Я вынужден буду, как бы это смешно не выглядело, напомнить присутствующим общепринятое понятие хищения. Это виновное умышленное деяние, направленное на умаление чужой имущественной сферы с последующим обращением незаконно изъятого имущества в пользу лиц, совершивших деяние, или в пользу третьих лиц.

Прокуроры утверждают, что якобы из бюджета Петербурга было похищено 9 с чем-то миллионов рублей. Тогда извольте, уважаемые обвинители, начать с того, чтобы доказать реальное умаление имущественной сферы потерпевшего. В этом направлении, Ваша честь, обвинителями не сделано ровным счётом ничего. Ни представителями гражданского истца, ни следователями, ни прокурорами вообще ничего не было сделано по части подтверждения факта умаления имущественной сферы Петербурга. Это было заменено другим, – совершенно нелепой сентенцией, которая уже многократно цитировалась мной. Что было в действительности, это не имеет значения, главное – документы были представлены или нет. Не были представлены, значит, имело место умаление имущества потерпевшего. Нет, уважаемые обвинители, совершенно не значит. Мы же вам продемонстрировали на примере тракторов: **«тракторы были, а документов к отчёту нет»**. Обвинитель Татарина записывает всё это в хищение. Но позвольте, уровень правосознания человека, приходящего к таким обескураживающим выводам, он явно оставляет желать лучшего. Но уж во всяком случае, с таким правосознанием в серьёзных делах экономического содержания, действительно делать нечего. Вспомните, Ваша честь, что говорила в своей речи обвинитель Татарина по поводу участия в празднике ведущей – госпожи Смолиной, творческого коллектива «Ярмарка», а также волонтеров под руководством Масловой. Участие всех упомянутых выше лиц в праздничных мероприятиях государственным обвинителем не принимается. А все издержки по их участию отнесены к хищению. Вы, Ваша честь, своими глазами в видеодокументах видите всех этих участников. Чего же более – их участие очевидно. Да не тут-то было! Госпожа Татарина говорит: «да это не имеет никакого значения, то, что вы видите Смолину в качестве ведущей праздника. Документ дайте про госпожу Смолину, нет документа – украли». Неужели наш суд в 2016 году от рождества Христова может пойти на поводу столь циничного прокурорского подхода к праву и совершенно извращённому

пониманию того, что такое «хищение». Прокурор достоверно знала, что услуги Смолиной и других участников были оплачены, это подтверждается вещественным доказательством – тетрадью кассира, на которую прокурор неоднократно ссылалась как доказательство обвинения, плюс фотоотчёт, плюс видеоотчёт. И, тем не менее, прокурор Татарина почитала, что денежные средства, потраченные на участие в празднике вышеупомянутых лиц, были похищены. И как бы это не было смешно, но получается, что все грамотные юристы понимают под «хищением» *одно*, а господин Раукинас и прокуроры, поддерживающие обвинение, совершенно *другое*. Нам предлагается ранее невиданный тип хищения, без реального безвозмездного изъятия похищаемого имущества из имущественной сферы потерпевшего. Тип хищения, основанный на примитивнейшем подходе: *Нет бумажки, значит, нет расходов*, а закон, который говорит *«все издержки подлежат возмещению»* вне зависимости от того, есть или нет какие-то отдельные документы, он для прокуроров равным счётом ничего не значит. Так дальше не может продолжаться. Такие прокуроры должны быть удалены с государственной службы.

И полный «апофеоз» прокурорского бездумия предстаёт перед нами в их оценке ситуации с ансамблем «Птица счастья». Прокурор Татарина проигнорировала тот факт, что «Птица счастья» это собственный музыкальный коллектив группы компаний «МегаСтар». Это они его создали, они его сформировали, они его «одели» и «обули», они приобрели музыкальные инструменты и создали тем самым полноценного субъекта оказания услуг в сфере организации праздничных мероприятий. Иными словами – они стали собственниками этого вокально-инструментального ансамбля. И если они включили в концерт «Птицу счастья» и против этого не возражал заказчик, знающий, то они вправе сами установить цену этой услуги и положить эту цену себе в карман, за вычетом расходов, которые они же понесли на организацию выступления этого коллектива. Но эти простейшие обстоятельства дела, по-видимому, трудно осилить нашему обвинению. Они говорят: «документов нет, поэтому почти все выделенные средства на ансамбль «Птица счастья» по исследованному контракту, были предпринимателями похищены». Мы против этого примитивнейшего понимания положений российского права, ясно и понятно определяющих, что такое «хищение». Мы против того нелепого понимания «хищения», которое пытается Вам цинично навязать сторона обвинения.

Также в речи прокурора Татарина прозвучало странное обвинительное утверждение о том, что, несмотря на выполнение бытового райдера артиста Глеба Матвейчука, денежные средства, потраченные на

исполнение условий райдера, должны быть включены в состав суммы хищения. Либо это полнейший абсурд, которому тайно разрешили являться в судах, либо прокуроры просто решили, что «обвинительная речь в обязательном порядке должна быть, и мы ее напишем и произнесём, и мы будем просить по 7 лет лишения свободы, а женщинам по 5». В общей сложности это будет составлять 24 года, мы произнесём яркие речи, одна из которых продлится 21 секунду, где каждая секунда – это год тюремного заключения». А дальше будь что будет. Это впечатляет. И, я уверен, что это не останется без соответствующего продолжения. Информация о столь яркой обвинительной речи должна лечь на стол Генерального прокурора.

Вот ещё один опус обвинения: «часть расходов, понесенных на изготовление «Бочки» и «Вертолётика», были признаны обвинением в качестве издержек, которые подлежат возмещению из цены контракта, а издержки, которые были понесены на заказ дизайнерского решения внешнего вида платформы с упомянутыми пневмоконструкциями, на их монтаж, на расходные материалы, наличие которых было бесспорно установлено в ходе судебного следствия, прокурор посчитала хищением денежных средств. Это потрясающе! По закону должно быть так: «услышали показания подсудимых, они кажутся Вам (прокурорам) недостоверными, извольте опровергнуть такие показания или принять их». Иное не дано. Таков Закон!

Помните, Ваша честь, как подсудимые концентрировали Ваше внимание в ходе просмотра видеосюжетов *«Вот, посмотрите, идёт платформа, несущая «Вертолётик», эта платформа изготовлена из бруса, этот брус ладно сколочен, была произведена определённая работа – стоимость материалов и работы – это наши издержки. В соответствии пунктом 2 статьи 709 ГК РФ, эти издержки входят в цену и мы, так сказать, имеем право на компенсацию»*. Вместо того чтобы согласиться с этими очевидными издержками или опровергнуть факт их наличия, прокуроры не пошли ни по тому, ни по другому пути. Они избрали третий путь, путь циничного и бездоказательного утверждения, что образы «Вертолётика» и «Бочки» явились сами собой, а деньги на дизайнерскую разработку их «экстерьера» были похищены. Мы вправе были ожидать, что в деле будут участвовать честные и профессионально подготовленные прокуроры, о которых говорил в своей речи Президент страны, а на деле мы столкнулись с некомпетентными, нечестными прокурорами, которые с беспрецедентным юридическим цинизмом конструируют в суде полную юридическую белиберду, выдавая её за факты, якобы подтверждающие несуществующее мошенничество. Цинизм и упорство, с которыми это происходило в течение многих месяцев, заслуживают наказания.

Всякий раз по окончании исследования какой-нибудь очередной нелепицы, цинично выдаваемой прокурорами за доказательство виновности подсудимых, вставал представитель защиты и говорил: «смотрите, эти обстоятельства доказывают позицию стороны защиты, но уж никак не позицию стороны обвинения. Хватит заниматься профанацией процессуального законодательства, предъявляйте подлинные доказательства, если они у вас есть». Но эти призывы не произвели на прокуроров никакого впечатления. Оказалось, что никаких доказательств у обвинителей нет! Ни одного! Это было подтверждено всем ходом судебного следствия. Это настолько очевидно, что даже говорить и тратить на это время не стоит. Они могут называть «доказательствами» все что угодно, только нам (и суду) нужны доказательства, соответствующие пониманию законодателя. Вот таких доказательств у стороны обвинения совершенно точно не имеется.

К примеру, вывод о том, что артистке Юлии Михальчик было заплачено 300 тысяч рублей, прокурор Татарина сделала на основании электронной переписки Абрамидзе от 30.07.2013 года, которая состоялась за один месяц до начала мероприятия. В этой переписке содержались предварительные черновые сведения о возможных расходах по участию артистов в планируемом мероприятии. Вот как раз и наглядный пример тому, о чём я только что говорил. Само обстоятельство есть, – *«задолго до праздника говорили о 300 тысячах рублей»*, а доказывает ли это обстоятельство что-нибудь применительно к событиям, которые состоялись через месяц? Конечно же нет! И как бы вам не хотелось, уважаемые обвинители, Ваше «доказывание виновности» противоречит элементарной теории доказательств. Юлия Михальчик в суде не допрашивалась, её показания не оглашались. Ничего страшного, – рассуждают обвинители. Вот возьмите вот «это» (то есть сведения из электронной переписки Абрамидзе) и выносите обвинительный приговор, и назначайте наказание – по семь лет лишения свободы мужчинам и по пять лет женщинам. Это цинизм, который нельзя оставлять без последствий, Ваша честь! Мы надеемся, что Вы свою миссию выполните и частное постановление, характеризующее незаконную деятельность обвинителей по нашему делу, обязательно вынесите. Этого ждёт всё предпринимательское сообщество нашей страны. Потому что если не будет такой, предусмотренной законом реакции со стороны здоровой части нашего общества на очевидные перверсии, которые произошли с прокуратурой и со следственной властью в нашей стране, то это может стать «точкой дефуркации» (то есть точкой невозврата) в развитии чрезвычайно опасных тенденций. Исходит эта тенденция вот от таких должностных лиц, которые на деньги, которые платят предприниматели в виде налога, их содержат,

покупают им форму, изготавливают медальки. Но взамен этого прокуроры должны всего лишь быть честными и принципиальными, такими, как они видятся нашему Президенту. И даже этого не удаётся добиться на практике.

Вот смотрите, Ваша честь, как часто в нашем процессе поднимался вопрос о совести? В статье 17 УПК РФ законодатель не случайно указывает на «совесть» как важнейший элемент уголовно-процессуального доказывания. Убери «совесть» и мы столкнёмся с таким вот оголтелым цинизмом. А то, что совесть не участвовала в оценке доказательств, производимой стороной обвинения по этому делу – факт совершенно очевидный. Ну что тут доказывать. Взять, к примеру, «54 листа чистой бумаги», признанные «вещественным доказательством» по делу или тысячи таких же нелепых «вещественных доказательств», которые прошли циничный прокурорский «контроль», якобы осуществляемый за законностью в ходе расследования нашего дела.

В нашем деле случилась беда, у тех, кто участвует в доказывании (у следователей, надзирающих прокуроров и судебных обвинителей) у них не оказалось совести. Ну как можно говорить о совести Раукинаса, который не удосужился прочитать закон, а вместо этого стал изобретать свои собственные законы. Или как оценивать ситуацию, когда Раукинас определялся с судьбой банковской гарантии, откладывая её подальше – в коробки с «макулатурой». Когда обвиняемые ему говорили: «вот доказательства нашей невиновности», а он помещал эти доказательства не в материалы дела, а прятал их в каких-то коробках, которые так и не были доставлены в суд. Это что? От переизбытка совести? Лечение этой страшной болезни простое: совесть должна быть! Механизм тот, который записан в нашем законе, без совести следователей, дознавателей, прокуроров и судей существовать не может. Утратил совесть в боях неправосудных – в отставку! Или под суд! Это в зависимости от бессовестных своих злодеяний. Оценка доказательственного материала, исследуемого в суде, должна быть честной и адекватной. Честная и адекватная оценка той груды макулатуры, которую вместо дела представила в суд обвинительная власть, может быть только одной: «это не доказательства, это бессодержательная макулатура». На вопрос о том «было ли совершено хищение?», совесть, существующая в каждом честном человеке, даёт однозначный ответ: «не было никакого хищения». Это важнейший факт этого дела.

В нашем деле, Ваша честь, выявился интересный факт. Сами всё видели. Представители государственного обвинения даже не знали того, что в процессуальном законе существует понятие «совесть». Поначалу они соскакивали со своих мест, протестовали всякий раз, когда

произносилось это ключевое для правосудия слово. Происходило это до тех пор, пока прокуроры, наконец, не уяснили, что это понятие в законе действительно есть. И оценивать доказательства нужно с обязательным участием совести, если она у участника процесса имеется, конечно!

Я понимаю, что Вам весело, уважаемый государственный обвинитель Усачёва. Может быть, Вы потому и смеётесь при каждом упоминании слова «совесть», что для вас понятие, упоминаемое в законе, не является какой-то ценностью, а всего лишь досадной «химерой», мешающей фабриковать дела. Но она (совесть) имеется у большинства простых людей и должна быть у всех без исключения прокуроров. Это неукоснительное требование закона. А то, что её иногда нет у отдельных прокуроров – это, к сожалению, тоже бывает.

Ваша честь, я завершаю вторую часть своей речи и прошу дать мне возможность осмыслить – не упустил ли я что-нибудь важное для судьбы этого дела. После перерыва прозвучит завершающая часть моей речи.

Объявляется 10 минутный перерыв в судебном заседании.

Ваша честь, я завершаю свою защитительную речь частью, в которой хочу, среди прочего, привлечь Ваше внимание к вопросу: *«а как вообще можно поддерживать обвинение, при полном отсутствии доказательств?»* Это очень серьезный вопрос. Оказывается, можно. Разработаны целые обвинительные технологии, как это можно делать. Со всем этим необходимо бороться. Бороться решительным образом.

Вот когда я увидел обвинительное заключение по этому делу, состоящее из более 1300 страниц, мне как опытному адвокату стало ясно, что доказательств в этом деле нет. Если они есть, то зачем нужны 1300 листов обвинительного заключения? Это известный способ *недопустимого психологического давления на суд*. Значительная часть обвинительного заключения состоит из абстрактного описания некой *поэтапной модели организованной преступной деятельности*, которая, как выяснилось в ходе судебного следствия, к фактическим обстоятельствам организации и проведения исследуемых праздничных мероприятий не имеет никакого отношения. А всего лишь обладает некой похожестью на те обстоятельства, которые предстояло исследовать суду. Эта похожесть и призвана была сыграть злую шутку с правосудием, размыть различие между действительностью и искусно сформированным вымыслом. В ходе судебного следствия для упрощения понимания между участниками процесса нами был предложен термин для этой выдуманной следователем модели – «картина маслом».

Мы часто употребляли это образное выражение – «картина маслом». Было видно, как это выражение вызывает у Вас, Ваша честь

некоторое раздражение. Поэтому мы хотим объяснить, что образное выражение «картина маслом» употреблялось нами «не ради красного словца», а с единственной целью – тщательно отделить действительные обстоятельства, установленные в ходе предварительного следствия по делу, от откровенного следственного вымысла, нанесённого яркими масляными красками на картинный холст. Вы же понимаете, Ваша честь, что в обвинительное заключение можно включать только такую фактологическую картину исследуемого деяния, которая подтверждена доказательствами, а если их нет, этих доказательств, то замещать доказательно установленную фактологическую картину происшествия абстрактной фактологической картиной, которая была придумана следователем, категорически не допускается. Эта «картина маслом», лишь схематически привязанная к конкретным к эпизодам обвинения, предстала в виде откровенной следственной выдумки о некой преступной деятельности, которой совершенно не требовалось какое-либо доказательственное обеспечение. Начиналась эта выдумка так: «не позднее такого-то числа такого-то года, такие-то люди в неустановленном месте вступили в преступный сговор на то, чтобы красть деньги из бюджета». Хочется остановиться и задать незадачливому сочинителю простой вопрос: «А зачем спрашивается им красть в обрисованной Вами ситуации, если по закону они имеют право получить всю разницу между ценой договора и теми реальными затратами, которые они произведут на проведение праздников, то есть на то, что собрались похитить? «Зачем им красть те же самые деньги, которые они в течении десятилетия и так зарабатывали на совершенно законном основании?» Откуда появился у предпринимателей преступный мотив, побудивший их вдруг взять и начать красть деньги, которые можно получить законно?». Не крали, не крали, в течение целого десятилетия своей безупречной предпринимательской деятельности и вдруг решили начать красть. «Не позднее вот такого-то числа, такого-то месяца». Это что? Это «картина маслом». Дальше – больше. Для того чтобы им было сподручней красть, они якобы разбили свою преступную деятельность на несколько этапов. На первом этапе подсудимые якобы подыскали или прикупили, или создали какие-то фирмы, необходимые для осуществления «задуманной преступной деятельности» и так далее. Следователя не смущает даже то обстоятельство, что большинство юридических лиц, якобы «приисканных или приобретённых для совершения хищений», вошли в группу компаний «МегаСтар» задолго до якобы состоявшегося преступного сговора на совершение хищений.

Приглядитесь, Ваша честь, «живописец» использует в своей «картине маслом» некоторые фактические обстоятельства. К примеру,

нуждаемость предпринимателей в дополнительных юридических лицах для включения их в группу компаний «МегаСтар» и расширения своей предпринимательской деятельности. Защита не отрицает факт приобретения таких юридических лиц. Но какой зловещий смысл придаётся этому обстоятельству в «картине маслом». Вот в этом то и состоит опасность «похожести» отдельных фрагментов этой картины на исследуемые нами фактические обстоятельства дела. Далее незадачливый «живописец» пишет: «что эти (привлекаемые к «преступной деятельности») юридические лица) не имели никакого опыта в организации праздников и использовались «преступниками» только для того, чтобы обмануть заказчиков. А вот тут на «картине маслом» проявилась откровенная «лажа». Оказалось, что все юридические лица, участвовавшие в конкурсах, имели опыт проведения праздничных мероприятий, что этот опыт в документированном виде представлялся конкурсным комиссиям. Только следователь убирал эти документы в сторону, потому что ему не нужны были документы, разрушающие его яркую «картину маслом», то есть разрушающие им же выдуманную картину несуществующих преступлений. Он просто игнорировал любые доказательства невиновности обвиняемых. Неужели это останется безнаказанным?

В силу закона, документы, представленные упомянутыми юридическими лицами в конкурсные комиссии для подтверждения имеющегося у них опыта в деле организации праздников, должны быть перечислены в обвинительном заключении под рубрикой: **«доказательства, на которые ссылается сторона защиты»**. Разве выполнил господин Раукинас это указание закона? А история с банковской гарантией? Действуя в соответствии с законом, следователь должен был включить описание оправдательных доказательств в соответствующие разделы обвинительного заключения, а сами доказательства приобщить к делу. Но следователь смекнул: «А зачем я буду включать в обвинительное заключение сведения, которые противоречат моей «картине маслом», то есть моей выдуманной позиции обвинения?» И не включал, а прокуратура, которая должна была надзирать за соблюдением закона, всё это покрывала и требовала в судах незаконно заключить предпринимателей под стражу, чтобы они «по пустякам» не докучали следователю Раукинасу и лишний раз не отвлекали бы его внимание на какие-то там доказательства своей невиновности.

Ваша честь, в этом деле грубейшим образом было нарушено право на защиту. Не сказать об этом я не могу. Когда я вижу плачущую в суде Елену Югай и слышу о тех «адвокатах», которые попались на её пути, у меня сердце разрывается от того, что эти люди называются моими коллегами. Елена Югай говорит нам: «потом адвокат, склонявшая меня

к самоговору и оговору других лиц, извинилась передо мной». Я добавлю: «...и пошла домой кушать ананасы», исковеркав судьбу молодой женщины, которая, всем сердцем стремилась домой, но вынуждена была оставаться в тюрьме в течение многих месяцев. Вот такое вышло поведение следователя Раукинаса и прокуроров, надзирающих за расследованием этого дела – это исключительно циничное поведение, вредное для общества и заслуживающее серьезных наказаний.

И вот в этой «картине маслом» сконцентрировано всё откровенно нелепое существо нашего дела. Вот, к примеру, как «нарисовано» в ней «введение в заблуждение» районных администраций «относительно количества участников конкурса». *Юридическое лицо подаёт соответствующее заявление и участвует в конкурсе. Конкурсная комиссия думает, – «вот пришёл возможный организатор праздников и потенциальный победитель конкурса» А на самом деле это обман. Потому что они не имеют опыта и не смогут провести праздник.* «Вот он – обман!» – вопиёт незадачливый живописец с «картины маслом». Хочется отметить, что искусство живописи в своём развитии знало множество стилей и течений, вплоть до совершенно омерзительных, предполагающих использование в изобразительных целях фрагментов человеческих трупов. Но можно ли в уголовных делах использовать подходы, схожие с приёмами дурной живописи? Здесь использование трупов не позволительно. Применительно к уголовным делам искусство состоит в другом, – в способности к отысканию и эффективному использованию доказательственного материала, способного убедить суд в своей правоте.

Я продолжу, Ваша честь, и даже процитирую фрагмент из абстрактной «картины маслом»: *«Введя в заблуждение должностных лиц указанных органов государственной власти относительно количества заявителей»...* Вслушайтесь, Ваша честь. Как можно ввести в заблуждение должностных лиц районных администраций, организующих конкурсы, «относительно количества заявителей»? Ведь количество заявлений – это факт объективный. Заявления можно пересчитать, можно пересчитать лиц, участвующих в конкурсе «по головам». Всё происходящее в ходе конкурсов протоколируется. Вот если для участия в конкурсе было подано три заявления, то их и есть три заявления. Не больше, ни меньше. А в «картине маслом» наблюдается откровенное «напёрсточничество». Ну как можно ввести в заблуждение членов конкурсной комиссии по поводу количества участвующих в конкурсе заявителей и их намерения принимать участие в конкурсе? Участники конкурса подали заявления. Заявление свидетельствует об их намерении принимать участие в конкурсе. А автор «картины маслом»

вопиёт к правосудию: «Нет. Это обман!» Вот эти совершенно нелепые суждения обвинители предлагают суду рассматривать в качестве «обманных действий», приведших к хищению государственных денежных средств, совершённых путём мошенничества. Надеюсь, что у Вас рука не поднимется, чтобы переписывать вот эту «картину маслом» в описательную часть приговора. И ещё, подсудимые якобы обманули заказчиков тем, что привлечённые к участию в конкурсах юридические лица на самом деле не имели никакой материально-технической базы для проведения праздников, но вели себя при этом так, как будто бы такая база у них имеется. Живописец вопиёт: «*Смотрите – обманули!*»

Надо бы следователю, увлекающемуся абстрактной живописью, чаще упражняться в чтении законов и понимании их смысла, а не заниматься худшими течениями абстрактной живописи. Любой человек или любое юридическое лицо, даже вообще не имеющее собственной материально-технической базы, в силу правильно проводимой в стране антимонопольной политики, имеют право участвовать в проводимых государством конкурсах, потому что они могут выполнить условия контракта, договорившись с соответствующими субподрядчиками. Следователь, сфабриковавший это дело, к сожалению, в области предпринимательства и его возможностей не понимает ровным счётом ничего.

Допрошенные члены конкурсных комиссий пояснили суду, что при проведении конкурсов: «Мы не можем участникам поставить условие об обязательном наличии у них материально-технической базы. Опыт должен быть. А вот наличия материально-технической базы от них требовать нельзя. Нет такого положения в законе». Это было бы откровенным самодурством со стороны членов конкурсной комиссии и прекрасной почвой для коррупционных проявлений.

Несколько слов «о цели подачи заявок» как о вымышленном способе обмана. Вот она заявка. Люди хотят победить в конкурсе. Этим всё сказано. И только «картина маслом» бубнит своё – «Это обман!». Иными словами, с «картины маслом» взирает на нас такая нелепица, которая в принципе не может переключаться в приговор, составляемый разумным человеком.

А теперь – самое нелепое. Следователь-абстракционист нарисовал «картину маслом», а содержание этой картины к трём реальным эпизодам обвинения не подходит по фактологии.

Вот она – «картина маслом». Можно подходить и любоваться. Работа конечно отвратительная, но любовь к абстрактному искусству дело сугубо персональное. Это дело вкуса. А когда внимательнее приглядишься к этой картине, возьмешь конкретный эпизод для сравнения, то оказывается, что под «картину маслом» он никак не

подходит. Вот утверждается, к примеру, в «картине маслом», что именно таким образом они обманули членов конкурсной комиссии и получили право на заключение контракта. Смотришь на фактологию конкретного эпизода и выявляешь одно несоответствие за другим. Как в детской игре «Найди десять отличий». Ситуация в целом, утверждает следователь-живописец, находилась под злодейским контролем подсудимых. И они такие хитрые, что сумели всех «развести». А при проверке фактами выявляется совершенно другое.

Давайте проследим историю конкурса в Кронштадте. В этом конкурсе участвовало среди прочих ИП «Бучинская». Этот бесспорный факт был подтверждён конкурсной документацией, исследованной в суде. В частности, поданной заявкой, с предложением цены, за которую ИП «Бучинская» готова была полностью выполнить условия предлагаемого контракта. И другими документами. Цена, предложенная ИП «Бучинская», оказалась ниже тех цен, которые были предложены другими участниками конкурса. И именно это ИП «Бучинская» должно было победить в конкурсе, но по обстоятельствам, независящим от наших предпринимателей, Бучинская нарушила конкурсную процедуру, в связи с чем не смогла стать победителем конкурса. Спрашивается, как Волков, Абрамидзе и Араамов могли повлиять на сложившуюся ситуацию? Предвидеть ошибку Бучинской они не могли. Последствия совершённой ошибки предусмотрены законом. Предприятие, принадлежащее госпоже Бучинской было снято с конкурса в полном соответствии с действующим законодательством. Когда мы допрашивали в суде свидетеля Бучинскую, она подтвердила очевидную истину, что подсудимые никак не могли предвидеть случившееся или повлиять на него. Отсюда вывод, что победа произошла не в результате каких-то поэтапно совершаемых обманных действий подсудимых, откровенно выдуманных следователем и начертанных в «картине маслом», а в силу того, что г-жа Бучинская не смогла предварительно заплатить предусмотренную конкурсной документацией денежную сумму. Разве наши подзащитные могли это предвидеть? Нет, не могли! А если они не могли предвидеть это, то можно ли говорить на этой стадии «преступной деятельности» про какие-то умышленные действия подсудимых, реализованные в результате их обманных действий? Конечно же нет. Иначе может думать только человек, весьма недалёкий в области права.

«Подумаешь... предвидели..., не предвидели...», – рассуждают государственные обвинители. «Мы тут представители закона. Мы сказали, значит будут сидеть». Маловато того, что Вы сказали, товарищи прокуроры. Вы тут не представители закона. По этой части Вас обманули, Вы всего лишь представители стороны обвинения, плохо

сформулированного и совершенно не доказанного. И то, что вы запросили для подсудимых наказание по семь и пять лет реального лишения свободы – это всего лишь очередной циничный способ давления на судебную власть. И нельзя оставлять это без последствий.

Или взять, к примеру, эпизод номер два. Это хорошая иллюстрация того, как можно обвинять вообще без доказательств. Ваша честь, этот эпизод был вписан в обвинение самым последним. А обвинительное заключение, содержащее среди прочего и этот эпизод, утвердил Заместитель Генерального прокурора. Предполагаю, что сделал он это, обвинительного заключения не читая. Полагаю, что произошло это «с подачи» прокурора Усачёвой, которая якобы надзирала за этим делом. А что госпожа Усачёва? Может быть и она обвинительного заключения не читала. По этому поводу у нас нет каких-либо достоверных сведений. Так вот, по этому (второму) эпизоду в ходе многомесячного судебного следствия обвинение не смогло представить суду ни одного доказательства, в связи с чем и вынуждено было в итоге отказаться от выдвинутого обвинения в этой части. Возникает справедливый вопрос: «А что? На момент утверждения обвинительного заключения доказательства по этому эпизоду были?» Конечно же, их и тогда не было. Тогда, как же могло получиться, что это весьма печальное обстоятельство не сумели заметить Заместитель Генерального прокурора и прокурор, непосредственно надзирающий за расследованием дела? Похоже обвинительное заключение по этому делу, пространно изложенное более чем на 1300 страницах, не было предметом их изучения. Это ли не цинизм отдельных представителей современной прокуратуры? Это ли не нравственное и профессиональное падение всего этого института, призванного обеспечивать законность в сфере уголовного правоприменения?

По-видимому, это становится обычным делом... Вот так, в наглую, цинично (при полном отсутствии доказательств) протащить в суд целый эпизод, относящийся к категории тяжких преступлений. А потом взять и сказать: «мы отказываемся от обвинения по этому эпизоду». Какая радость для подсудимых! Вы думаете, что всё это так бесследно пройдет? Не надейтесь. Будут проверки на предмет – как и почему это могло произойти.

Ваша честь, отсутствие доказательств не является для следственно-прокурорской команды, причастной к нашему делу, профессиональным или нравственным ограничителем в стремлении к применению уголовных репрессий. Это чрезвычайно опасная ситуация. И в нашей стране, имеющей печальный опыт неконтролируемого разгула уголовно-правовых репрессий, к подобным проявлениям необходимо привлекать массовое общественное внимание. Мы ждём от Вас, Ваша честь, соответствующего

частного постановления, которое должно стать отправной точкой в деле искоренения подобных негативных явлений

Если бы следователь Раукинас в начале расследования дела обратился бы в антимонопольную службу, которая являлась правоприменительным органом по применению норм 94 Федерального закона и прочих законов, связанных с антимонопольной деятельностью, то он сразу бы получил должный ответ, содержащий исчерпывающие разъяснения о том, как в соответствии с законом должна быть разрешена интересующая следователя ситуация. Когда представители обвинительной власти говорят здесь о том, что якобы господин Коломийченко, давая свои объяснения, чего-то «не понял из фактических обстоятельств дела», то это всего лишь очередная циничная попытка ввести суд в заблуждение. Двадцать лет человек занимался применением законодательства в этой области... и чего-то не понял? Он ученый-экономист. Он – заслуженный эксперт УФАС. И прокурорам не удастся «пришить» Коломийченко «клеймо заинтересованности» в судьбе Абрамидзе, Аврамова либо других подсудимых. Но можно поступить иначе. И прокуроры цинично заявляют, что разъяснения Коломийченко ничего не стоят. Вот «специалист» Кузьмин – это другое дело! А Заслуженный эксперт России – он вообще, де мол, не заслуживает Вашего внимания и доверия.

Не обращайтесь внимания, Ваша честь, на подобные высказывания наших прокуроров. Это присущий им обыкновенный цинизм. Мне врезалась в память такая нелепость прокурора Усачёвой. Она спрашивает специалиста Коломийченко: «Сколько документов Вы изучили прежде, чем дали своё заключение? Специалист естественно не понимает, как можно ответить на этот нелепый вопрос? Возможно, он прочитал тонну документов, пол тонны научных работ экономического содержания, может быть, он участвовал в создании закона, содержание которого он разъяснял в суде. А его настойчиво спрашивают: «Сколько вы вообще документов прочитали?» Помните, Ваша честь, исчерпывающий ответ специалиста на этот странный вопрос прокурора? «Вот столько» – ответил Коломийченко, расставив большой и указательный пальцы на расстояние в два дюйма. В этом жесте выразилось сдержанное неприятие умным, заслуженным человеком того цинизма обвинительной власти, который проявился в вопросе прокурора Усачёвой. И действительно, как иначе можно ответить на такой вопрос? Перечислить конкретно всё множество изученных документов?

Ничего у Вас не получится, горе-обвинители! Олег Васильевич Коломийченко – это действительно один из лучших экспертов России. Вам не удастся оглупить содержание его просвещённого заключения. И никакого испрошенного Вами наказания, в виде пяти-семи лет

лишения свободы для каждого из подсудимых тоже не будет, даже не надейтесь на это. Потому что Абрамидзе, Авраамов, Елена Югай и Сухарева не преступники, а предприниматели, цинично оболганные следственной властью. Да и не было никакого преступления. А если не было преступления, то ничего путёвого из Вашей несправедливой деятельности в суде не выйдет.

Россияне не могут жить без того, что называется справедливостью, честностью, состраданием – эти очевидные для нашего народа ценности безжалостно разрушаются вот таким циничным подходом к праву, который продемонстрирован по настоящему делу государственными обвинителями. Они даже не ощущают, какой вред они приносят нашей стране своей деятельностью, осуществляемой, кстати, за счёт наших налогоплательщиков. И мне не страшно говорить об этом в полный голос в открытом судебном заседании. Я стал адвокатом потому, что в 7-летнем возрасте узнал о реабилитации своего незаконно расстрелянного деда. У меня в профессии отсутствует чувство страха, когда я вижу совершаемые властями беззаконие и несправедливость, какие бы чиновники не стояли за этим. Справедливость, правда и милосердие должны господствовать в судах.

Ваша честь, это большая беда для любой страны, когда следователи и прокуроры ставят себя над законом. Это страшное переходное состояние, между провопорядком и полным правовым хаосом, которое должно решительно пресекаться судебной властью – иначе наступит правовая катастрофа. И мы надеемся, что частное постановление по этому делу обязательно будет вынесено. Мы просим Вас об этом. Просим во имя будущего нашего правосудия, во имя других людей, до которых еще не дотянулись руки недобросовестных чиновников следственно-обвинительной власти.

Я понимаю Ваши улыбки, уважаемые обвинители, Вы не верите в то, что на пути творимой Вами несправедливости может быть поставлен заслон. Но мы постараемся, чтобы это произошло, и мы имеем на это полное право.

Заслуженный экономист Российской Федерации, кандидат экономических наук, Заслуженный эксперт ФАС России – господин Коломийченко дал применительно к этому делу исчерпывающие разъяснения.

Мне представляется чрезвычайно важным и заключение второго специалиста, вызванного в суд по ходатайству защиты аудитора Маргариты Николаевны Чуприной, которая осветила исследуемые нами обстоятельства несколько с иных позиций. Я уделяю столь пристальное внимание письменным заключениям специалистов потому, что это единственные письменные документы в деле, в которых дано детальное

экономическое обоснование тех отношений, которые были приняты к рассмотрению в настоящем уголовном деле, и от которого «как чёрт от ладана» бежали следователь и представители прокурорской власти, сознавая, что именно в экономической составляющей исследуемых событий и таится гибель этого откровенно выдуманного уголовного дела.

Надеюсь, что в совещательной комнате Вы детально изучите эти заключения и сделаете из их содержания правильные выводы. Любой человек, который взглянул бы на исследуемую судом конструкцию обвинения, даже если он никогда не учился праву, он сразу бы понял всю нелепость этой конструкции. Это даёт основание предположить, что всё, что делалось обвинительной властью по этому делу, делалось осознано.

Уникальность этого дела, Ваша честь, состоит в том, что сторона защиты не имеет возможности исследовать в отдельности каждое обстоятельство, которому сторона обвинения придаёт значение доказательств по делу. Придаёт без малейших к тому оснований. Их такое огромное количество, этих «псевдодоказательств», одних только «псевдовещественных доказательств» более 17 тысяч, и они такие бессодержательные, что организовать их разумное опровержение в ходе прений сторон невозможно даже технически. Да в этом, по правде сказать, нет никакой необходимости.

Вот почему я построил свою речь не на анализе каждого в отдельности «доказательства» обвинения, а на анализе тех подходов в оценке фактических обстоятельств дела, которые используются сторонами процесса при обосновании своих правовых позиций по делу. Защита стремилась показать экономическую порочность подхода, используемого стороной обвинения, которая была убедительно продемонстрирована специалистами Чуприной и Коломийченко. А уж о юридическом подходе Вы сможете судить сами, Ваша честь, без всяких специалистов. Этот подход настолько нелепый, что не заслуживает публичной профессиональной критики.

Как я уже говорил ранее, я не буду анализировать каждое в отдельности псевдодоказательство, представленное стороной обвинения в ходе судебного следствия. После каждого представления таких «доказательств» я уже давал оценку их нелепости и бессодержательности. По мнению стороны защиты, этого вполне достаточно.

Следующим, кто будет выступать с защитительной речью, я полагаю, будет адвокат Павлов. Я же подвожу итог. Никакого хищения бюджетных средств в действительности не существовало. Следовательно, в ходе судебного разбирательства не было установлено «событие преступления».

Это дело – уникальный пример того, до каких процессуальных безобразий может дойти предварительное расследование уголовных дел в отношении предпринимателей в условиях имитации прокурорского надзора. И какую опасность представляет для правосудия смычка неправых интересов следователей и прокуроров. Примером, на котором вся страна сможет понять, – до какого безобразного уровня дошло состояние законности в ходе расследования уголовных дел.

Я уверен, что это дело станет отправной точкой, после которой состояние дел в этой сфере пойдет на поправку. А пойдёт оно на поправку только тогда, когда следователи, цинично сфабриковавшие это дело, будут отвечать персонально за свои действия, приносящие откровенный вред правосудию. Вот с этого момента дела пойдут на поправку. Легче станет и судьям, легче станет россиянам, которые уже давно не доверяют такому правосудию. И правильно делают, что не доверяют. Это дело показало, что доверять нельзя. Потому что с определённого момента прокуроры, участвующие в этом деле, предали интересы закона и стали в суде поддерживать откровенно сфабрикованное обвинение в отношении бизнесменов.

Ваша честь, Вы должны отвергнуть факт хищения, как не соответствующий действительности. Безусловно, Ваша честь, имели место некие несоответствия, которые оказались внесёнными в отчёты о проведённых праздничных мероприятиях, но и это не может являться основанием для установления несуществующего хищения. Услуга была оказана в полном объеме и с отличным качеством, следовательно, имеет место возмездное оказание услуг. Следовательно, мы имеем «отсутствие события преступления» и должны действовать в соответствии с этим обстоятельством.

Теперь несколько слов о гражданском иске. Стыдно было смотреть на усилия обвинительной власти по его рождению. Искренне стыдно. Не всем присутствующим в зале было понятно, почему у стороны обвинения никак не получается надлежащим образом заявить гражданский иск, но тем, кто понимал, что происходило, было стыдно. И я полагаю, что к числу этих лиц относились и Вы, Ваша честь. Ну как можно, прокурорам, имеющим большие звёзды на прокурорских погонах, не уметь объяснить чиновнику городской администрации элементарных правил предъявления гражданского иска в уголовном процессе? Что должны подумать присутствующие в зале граждане о профессиональной компетентности участвующих в деле прокуроров? Иск был принят судом лишь с четвёртой попытки. А его содержание – это правовой ужас. Иск был предъявлен ко всем подсудимым о солидарном возмещении якобы похищенных ими денежных средств, а некоторые из подсудимых не были обозначены обвинительным

заклучением в составе участников хищения по отдельным эпизодам. Что это такое? Вот это и есть, Ваша честь, предельно циничный подход к делу, при котором судьбы отдельных людей не представляют для прокуроров, участвующих в нашем деле, никакой ценности. Что здесь говорить? Я думаю, это одно из последних дел этой прокурорской команды. И я имею право надеяться на это, как гражданин, обеспокоенный удручающим содержанием «прокурорской деятельности», участвующих в нашем деле обвинителей. Я очень надеюсь на это. А в иске должно быть отказано, поскольку по делу не было установлено событие преступления.

А вас, Ваша честь, мы просим вынести по итогам этого беспрецедентного дела оправдательный приговор и частное постановление по поводу откровенного попрания следственно-прокурорской властью действующего законодательства в ходе производства предварительного расследования и судебного разбирательства по этому делу.

Просим об этом не ради Абрамидзе, Аврамова, Югай и Сухаревой – они уже получили сполна свою долю необоснованных репрессий, а во имя тех несчастных, которые ещё могут оказаться «под прессом» этой следственно-прокурорской команды в будущем. Этим Вы защитите, прежде всего, правосудие, – непреходящую ценность любого общества. Если не сделать этого сегодня, в деле, где выявившихся нарушений законодательства с лихвой хватит на добрую дюжину частных постановлений, это будет непростительной ошибкой для правосудия в целом. Тогда всё это правовое безобразие получит шанс на продолжение, на коверкание очередных человеческих судеб, на необоснованное помещение людей в тюрьмы, невзирая на прямые запреты закона, тогда будет развиваться та самая страшная тенденция, когда следователи и прокуроры ставят себя над законом. И даже цинично заявляют, что «закон – это мы!» Нет, закон – это не вы. Закон – это текстуально выраженная воля народа. И никогда народ не согласится с Вашими циничными высказываниями.

Я обозначил, Ваша честь, требования защиты со стороны Никиты Михайловича Абрамидзе. Всё остальное, – это Ваша работа в совещательной комнате, работа с теми совершенно аморфными сведениями, которые представила сторона обвинения, и с теми юридически выверенными подходами, которые предложила Вам сторона защиты. Мы представили суду концепцию, полностью подтверждённую целым комплексом доказательственных сведений, на основе которых Вам будет нетрудно установить, что никакого хищения имущества не было, никаких нарушений закона не было. А были всего лишь отдельные

незначительные отступления от предусмотренных контрактами процедур, которые не могут рассматриваться в качестве хищений чужого имущества, совершённых путём мошенничества.

В завершение хочу признаться, что искренне сожалею о частом употреблении в речи слова «цинизм» и его производных. Напомню, что к тому вынудила меня прокурор Татарина, назвавшая поведение подсудимых, активно защищавшихся от вымышленного обвинения, «циничной попыткой уйти от ответственности». Это была вербальная реакция защиты. В ней воплотилась известная истина: «Посеешь ветер, – пожнёшь бурю!»

Я благодарен Вам, Ваша честь, за профессиональную выдержку в восприятии моей, несколько резкой по содержанию, речи.

07 ноября 2016 года по итогам судебного разбирательства был вынесен оправдательный приговор. Суд пришёл к выводу об отсутствии в действиях Н.М. Абрамидзе, В.Г. Аврамова, И.А. Сухаревой и Е.С. Югай состава преступления и признал за оправданными право на реабилитацию.

**Выступление адвоката Ю.М. Новолодского
в защиту оправданного Н.М. Абрамидзе
в заседании судебной коллегии по уголовным делам
Санкт-Петербургского городского суда от 24 мая 2017 года
(в начале судебного следствия
в порядке части 4 статьи 389.13 УПК РФ)**

На оправдательный приговор Красногвардейского районного суда города Санкт-Петербурга от 07 ноября 2016 года были поданы апелляционное представление прокурора Татариновой Н.Ю. и апелляционная жалоба представителя потерпевшего Константиновой Ю.Р.

24 и 29 мая 2017 года состоялись заседания судебной коллегии по уголовным делам Санкт-Петербургского городского суда по рассмотрению принесённых апелляционного представления и апелляционной жалобы.

Уважаемый суд! Это печально известное уголовное дело бьёт все рекорды лаконичности в судоговорении. В суде первой инстанции участвующая в деле прокурор Усачёва Марина Геннадьевна произнесла свою обвинительную речь в отношении четырёх подсудимых всего за двадцать одну секунду! Прокурор, участвующий в апелляционном рассмотрении дела, превзошёл её вчетверо, он говорил и того меньше, всего 4,6 секунды! Законодатель предоставил ему процессуальную возможность выступить и поддержать позицию стороны обвинения, изложенную в апелляционном представлении. Он обязан был довести до сознания судей и представителей стороны защиты внятные суждения, отвечающие на вопросы: почему это вдруг вынесенный судом первой инстанции оправдательный приговор следует отменить? Какие к тому усматриваются правовые основания? Какие допущенные судом нарушения должны повлечь отмену приговора? Защита констатирует, что разумные пожелания законодателя в очередной раз по этому делу не оправдались, Предусмотренное частью 4 статьи 389¹³ Уголовно-процессуального кодекса выступление прокурора продолжалось 4,6 секунды!!! Это вообще нельзя назвать выступлением в поддержку своей позиции стороны обвинения в апелляционном суде. Это проводимая стороной обвинения откровенная профанация российского процессуального закона, упорно осуществляемая стороной обвинения по этому делу.

Выражение Козьмы Пруткова о том, что «невозможно объять необъятное», полностью относится к этому делу. Объём дела насчитывает сто пять томов. Сто десять свидетелей обвинения предложено было допросить суду первой инстанции для подтверждения виновности подсудимых. Фактически было допрошено около семидесяти человек. Полтора десятка показаний свидетелей, зафиксированных в ходе следствия, были оглашены в суде первой инстанции. Однако, подавляющее большинство всех этих показаний, которые по наивности стороны обвинения предоставлялись суду как доказательства виновности подсудимых, на самом деле представляют из себя фактические сведения, которые со всей очевидностью оправдывают их.

Вот, к примеру, уважаемый суд, как можно рассматривать в качестве доказательства заявку юридического лица на участие в конкурсе на организацию и проведение культурно-массовых праздничных мероприятий? Такое понимание доказательств виновности может свести с ума любого нормального человека. Как можно принять подобное понимание доказательств виновности в уголовном деле, если закон требует от желающих принять участие в конкурсе в обязательном порядке подать письменную заявку о своём намерении? Заявка была подана в полном соответствии с законом, а прокуроры пытаются убедить суд, что вот эта заявка и есть доказательство виновности в совершении хищения чужого имущества. Подобные подходы обвинения к пониманию доказательств я назвал и буду называть откровенной профанацией уголовного процесса.

Но что делать суду апелляционной инстанции? Ведь ему нужно принять окончательное решение по делу. Как можно суду проверить такой огромный материал, искусственно выдаваемый за доказательства виновности и соблюсти при этом своё «правовое лицо»? Чтобы всё апелляционное рассмотрение дела происходило в рамках, похожих на правосудие, мы, адвокаты, обсуждали на своём совещании, как же нам быть? Как помочь суду не утонуть в огромном болоте этой откровенной прокурорской белиберды, выдаваемом за многотысячный массив обвинительных доказательств. И мы нашли способ, как помочь суду разобраться в этом огромном нагромождении фактов.

Задумайтесь, пожалуйста, уважаемый суд. По мнению стороны обвинения, в деле имеются семнадцать тысяч «вещественных доказательств»! Уму не постижимо! О чём думали те, кто их «делал» из «ничего», эти «вещественные доказательства», кто пригласил «с севера» более десятка следственных работников, прибывших в Петербург со своими семьями, которые «денно и ночью» превращали обычную макулатуру в десятки тысяч так называемых «вещественных доказательств»? К сожалению, весь этот «мартышкин труд» оплачивался

нашим государством. Что называется – «приехали»! Затраты на бессмысленное расследование обстоятельств надуманных хищений существенно превышают размеры этих хищений. Деградация следствия опустилась ниже нулевой отметки. Задумайтесь, уважаемый суд, этими отважными следопытами в качестве вещественного доказательства были признаны пятьдесят три листа чистой бумаги формата А4!!! Если покопаться в 17-тысячном массиве так называемых «вещественных доказательств», то можно найти и более идиотические проявления следственно-прокурорской юридической мысли, которые свидетельствуют о том, что в понимании современного следователя вещественным доказательством может быть признано вообще всё что угодно, было бы желание. Как показало это дело, предусмотренные законом чёткие определители этого понятия вообще перестают иметь для следователей и прокуроров какое-либо значение.

Несколько слов о собирании доказательств по этому делу. Уголовные преследователи приходили в кабинеты глав районных администраций или иных чиновников, ведающих районной культурой, и «выгребали» из их кабинетов все до единой бумажки. Потом месяцами «работали» над магическим превращением этих безобидных бумаг в 17 тысяч квази «вещественных доказательств». Их оказалось столь много, что они не поместились в специальных хранилищах вещдоков Красногвардейского суда. Процессуальный закон устанавливает, что вещественные доказательства обязаны храниться в суде, который рассматривает уголовное дело. Но этой макулатуры, которую обвинение называет вещественными доказательствами, оказалось так много, что значительную её часть не удалось разместить в свободных помещениях Красногвардейского суда. Представляете, в каких условиях работала защита? Мы имеем право ознакомиться со всеми вещественными доказательствами по делу, а такой возможности нет. Подавляющего большинства вещдоков в суде вообще нет, они хранятся в нарушение закона у следователя Раукинаса. Иными словами, если чьи-то процессуальные права и нарушались в ходе рассмотрения дела судом первой инстанции, так это права стороны защиты, а никак ни права стороны обвинения. И вот в этих невероятно сложных условиях нам удалось убедить судью, доказательно сформировав её внутреннее убеждение в том, что никакого преступления не было. Просто люди, которые расследовали это дело, проявили полное непонимание гражданско-правовых отношений, и усердно переделывали обычные предпринимательские отношения в привычные для себя преступления.

Такой оправдательный приговор, который вынесен по этому делу, можно встретить в нашей судебной практике чрезвычайно редко. Его можно рассматривать в качестве образца законного и обоснованного

судебного решения. Главным его достоинством является особая тщательность судебной проверки доказательственного материала, представляемого суду стороной обвинения. Это тщательность оправдала себя. Обвинительный «колосс оказался на глиняных ногах», судебной проверки не выдержал, завалился и обратился в прах.

Что же предлагает сторона защиты для апелляционной проверки законности и обоснованности этого оправдательного приговора? Мы предлагаем провести сопоставительную оценку позиций стороны обвинения и стороны защиты. В этом смысл состязательного судопроизводства. Прежде оценить доводы, которые были положены следствием и государственными обвинителями в обоснование виновности сидящих перед Вами лиц, после чего сопоставить их с доводами их невиновности, которые выдвигает сторона защиты. Полагаю, что этого будет достаточно для формирования Вашего внутреннего убеждения о законности и обоснованности вынесенного по делу оправдательного приговора.

На что же опиралась в своей деятельности сторона обвинения? На явно ошибочное суждение о том, что в случаях, когда цена приобретаемой на конкурсе услуги, обозначенная в первоначальном контракте, оказывается выше, чем фактические затраты исполнителя, то разница между этими величинами подлежит возвращению заказчику. В данном случае государству. Абсурднейшее суждение с позиции понимания основ гражданского права! В предстоящих прениях сторон мы продемонстрируем Вам более детально, почему этот экономически абсурдный тезис стороны обвинения не применим к исследуемым обстоятельствам дела. Пока же скажу, банальнейшую истину: *предпринимательская деятельность предполагает наличие прибыли*. В этом её смысл и мотивация. Данную истину должен знать и понимать каждый следователь, претендующий на расследование хозяйственных дел. Следователь Раукинас был допущен к расследованию этого дела без соблюдения этого очевидного условия. Я думаю, оправданные расскажут вам про «ужасы нашего городка». Когда они спросили следователя Раукинаса: «Позвольте, а почему Вы не учитываете нашу прибыль? Мы же должны её иметь. Ведь мы предприниматели». Раукинас цинично ответил: «Когда речь идёт о государственных деньгах, никакой прибыли быть не может. Вы – не предприниматели, вы – хищники!» Задумайтесь, уважаемый суд, над трагичностью описанной ситуации. Несведущий в экономических отношениях человек наделён страшными распорядительными полномочиями в отношении судеб этих интеллигентных людей, посвятивших себя профессиональной организации праздничных мероприятий на основе договоров о возмездном оказании услуг. Профессиональная ограниченность

следователя просто потрясает. Она, к сожалению, передалась и другим представителям стороны обвинения, именно поэтому в основу всей концепции обвинения был положен антинаучный, не основанный на цивилистике и экономике принцип компенсации подрядчику только фактически произведённых им затрат. Обвинителями был выдвинут нелепый алгоритм: *сколько вы затратили на организацию праздников, то и ваше. Отбирать это мы не будем. А всё остальное вы похитили и это мы у вас отберём!*

Поэтому моё выступление будет состоять из двух частей: из обоснования *экономической неприемлемости* позиции обвинения и из обоснования *процессуальной её неприемлемости*. Анализируемый подход стороны обвинения, предполагающий возврат сэкономленных средств заказчику не основан на действующем в России законодательстве, регулирующем возмездное оказание услуг. Ошибочность избранного обвинением подхода к анализу собранных по делу фактов привела к тому, что усилия обвинения были сконцентрированы на доказывании обстоятельств, которые, по мнению стороны обвинения, подтверждают факт хищения бюджетных средств, а в действительности эти обстоятельства не могут служить подтверждением какого бы ни было хищения. К числу таких обстоятельств сторона обвинения отнесла:

Первое – *факт подачи исполнителями заявок на участие в конкурсе на право проведения праздничных мероприятий в Кронштадтском, Колпинском и Петродворцовом районах*. Если не верите – посмотрите обвинительное заключение (листы с девятого по десятый, с тридцать восьмого по тридцать девятый, с пятьдесят шестого по пятьдесят седьмой). Как говорится: «Что написано пером – не вырубишь топором». Это постыдное юридическое утверждение хочется поскорее изрубить топором и сделать так, как будто его вовсе не было. Однако это не уничтожимо, это останется в истории деградации современного правосудия в качестве назидательного юридического факта.

Второе обстоятельство, на котором базируется обвинительная позиция, – это *получение артистами, участвующими в праздничных мероприятиях, меньшего денежного вознаграждения в сравнении с тем, что было установлено сметами, прилагаемыми к контрактам*. Это обстоятельство было неправильно оценено следователем и участвующими в деле прокурорами. Обвинители говорят: «Вот, смотрите, разница между суммой, указанной в контрактной смете и фактическими затратами исполнителей, – это и есть доказательство их виновности». Не от большого юридического ума они так говорят. Исполнители по договорам возмездного оказания услуг всегда стремятся к тому, чтобы выполнить условия контракта с меньшими затратами.

Если исполнителям по договору возмездного оказания услуг был выделен миллион на организацию выступления конкретного артиста, а они сумеют организовать его выступление за восемьсот тысяч рублей, то по российскому гражданскому законодательству – двести тысяч рублей – это экономия исполнителя, которая остаётся в собственности организаторов праздничных мероприятий, поскольку это их прибыль. Но уголовные преследователи этого не понимают и продолжают твердить понравившийся им подход: «Если фактические затраты организаторов праздничных мероприятий оказались меньше сумм, выделенных на участие в празднике конкретного артиста, то это соотношение и есть доказательство совершения хищения путём мошенничества». Бог судья этим горе-«исследователям», а заодно и тем, кто назначал их на столь ответственные должности следственно-прокурорской системы.

Следует обратить Ваше внимание, уважаемый суд, на то, что обозначенные в смете денежные суммы выделялись на *организацию* выступления артистов на конкретном празднике, а не в качестве предназначающихся артистам гонораров. Чтобы убедиться в нашей правоте, достаточно заглянуть в тексты имеющихся в деле контрактов. В понятие «организации» безусловно должны быть включены следующие расходы: транспортные расходы на прибытие артиста в наш город, его перемещение по городу в автомобилях класса «Люкс», размещение в пятизвёздочных отелях, расходы по заранее оговорённому райдеру и так далее и тому подобное. По мнению же горе обвинителей, денежная сумма, указанная в смете, должна была полностью передаваться артисту в качестве творческого гонорара. Уму не постижимо, сколь примитивна обвинительная позиция по делу!

Третье важное по мнению обвинения обстоятельство состоит в следующем: *в ходе расследования дела были выявлены факты неотражения организаторами праздников в отчётной документации обстоятельств получения артистами денежного вознаграждения в меньшем размере, чем было указано в сметном планировании.* Обвинительная власть тоже считает эти выявленные обстоятельства прямыми доказательствами, подтверждающими мошенническое хищение бюджетных денежных средств.

Следует сказать прямо, это третье обстоятельство в суде первой инстанции «мусолилось-перемусоливалось». Подсудимые подробно объясняли, почему, когда они приходили к заказчикам с указанием в отчётных документах их действительных расходов, заказчики их «заворачивали» обратно, поскольку от заказчиков, в этом случае, требовалось проделать значительный объём дополнительной работы. А наши чиновники «проделывать» дополнительную работу не любят.

Суд отнёсся к этому обстоятельству объективно и справедливо, не усмотрев в нём признаков хищения. Иное решение было бы издевательством над нормами гражданского законодательства, которые мы будем анализировать на стадии прений сторон.

Уважаемый суд, Вам для законного и справедливого разрешения дела достаточно осознать ошибочность и необоснованность приведённых выше подходов, положенных в основу обвинения, а не заниматься проверкой огромного объёма сведений, которые, по недоразумению, сторона обвинения считает доказательствами якобы совершённого хищения. Для вывода о том, что нелепая обвинительная конструкция была решительно опровергнута стороной защиты, а суд, полностью согласившись с этим опровержением, вынес законный и обоснованный приговор, не потребуется много интеллектуальных усилий. Я не буду стремиться «объять необъятное», я приведу Вам всего один пример. В ходе судебного следствия мы демонстрировали суду видеозапись этих праздников. У всех присутствующих был восторг от увиденного. Всё было организовано на высоком профессиональном уровне. Уважаемый суд, если есть какие-то сомнения в уровне качества проведённых праздников, мы готовы продемонстрировать эти видеозаписи и Вам. Но сейчас я хочу отметить только один факт. На празднике в городе Колпино нужно было везти по главной улице массивные платформы, несущие заказанные строителями конструкции. Эти платформы тянули за собой маленькие компактные тракторы. Этот очевидный факт наблюдали все, включая судью, которая видела: «Вот они тракторы... Раз, два, три, четыре, вот они тащат платформы эти самые тракторы». Но в ходе судебных прений судье пришлось выслушать ошеломляющую позицию прокурора Татариновой: «Никакого значения не имеет, были там трактора или нет, если трактора не были отражены в документации, стало быть суммы, затраченные на их участие в празднике, были похищены!» Во как! Мог ли суд с этим согласиться?! Этот очевидно нелепый подход, по понятным причинам, был решительно отвергнут судом.

Далее я приступаю к анализу тех подходов, которые в этом деле использовала сторона защиты. Подходы стороны защиты основаны на базовых положениях гражданского законодательства. Отношения между государственными заказчиками и профессиональными организаторами праздничных мероприятий оформлялись гражданско-правовыми договорами возмездного оказания услуг. В суде были допрошены два специалиста, один заслуженный эксперт ФАС, бывший руководитель регионального управления антимонопольной службы господин Коломийченко, который был потрясён невежественной подачей тех вопросов, которые суду приходится исследовать. Вам в совещательной

комнате достаточно посмотреть эти заключения, чтобы самостоятельно убедиться в экономической сущности того, что исследовалось в суде. Это безусловно договоры возмездного оказания услуг, а это значит, что нормы закона, регулирующие договор подряда полностью применимы к исследуемым контрактным отношениям. Подумайте, уважаемый суд, если перед Вами поёт тот же самый певец, которого вы хотели заполучить на свой праздник и исполняет оговорённое количество песен, как можно сказать: «Извините, он пел на 800 тысяч рублей, а не на миллион, который был выделен на его приглашение». Спрашивается, почему мы всерьёз должны выслушивать эти слабокреативные опусы? Суд первой инстанции все чётко описал в оправдательном приговоре, почему он не согласился с упомянутыми суждениями.

Правовым регулятором договорных отношений между заказчиками – районными администрациями и исполнителями помимо самих государственных контрактов является федеральный закон № 94-ФЗ, специально регулирующий эти отношения. Всё, что нужно было сделать стороне обвинения, прежде чем рассаживать подозреваемых по тюрьмам, так это прочитать и понять требования этого закона.

В части 1 статьи 9 указанного закона определяется, что такое государственный или муниципальный контракт. Это именно те отношения, которые сложились в нашем деле. Вот это определение: *«Под государственным или муниципальным контрактом понимается договор, заключённый заказчиком от имени Российской Федерации, субъекта РФ или муниципального образования в целях обеспечения государственных и муниципальных нужд»*. Частью 2 этой статьи закона установлено, что *«контракт заключается в порядке, предусмотренном Гражданским кодексом РФ»*, поэтому нельзя подходить к анализу и толкованию этого контракта без соответствующих познаний в области гражданского права. Сторона защиты подходила к исследованию обстоятельств дела именно с позиций гражданско-правового регулирования. В ходе предстоящих прений мы детально проиллюстрируем Вам правильность этих подходов с помощью специально подготовленных схем и диаграмм. Покажем полную применимость гражданско-правовых норм, регулирующих договорные отношения подряда, к отношениям по возмездному оказанию услуг. Продемонстрируем реальную структуру издержек исполнителей по исследуемым контрактам. Совокупность полученной Вами информации не оставит у Вас ни малейшего сомнения в правильности и обоснованности выводов суда, положенных в основу оправдательного приговора, вынесенного по этому делу.

По мнению стороны обвинения, денежные суммы, составляющие арифметическую разницу между ценой государственных контрактов и

фактическими расходами исполнителей, следовало вернуть заказчику. Невозвращённые суммы – это суммы мошеннического хищения, Так выглядит базовая идея обвинительной конструкции по этому делу. В прениях мы полностью развенчаем эту идею, поскольку она состоит в очевидном противоречии с идеей предпринимательства, нормами гражданского законодательства и положениями специального федерального закона № 94-ФЗ.

Выстраивая свою позицию по делу, представители стороны обвинения сознательно игнорируют положения, содержащиеся в пункте 2 статьи 709 ГК РФ о том, что *«цена в договоре подряда, а, следовательно, и в договорах возмездного оказания услуг, включает компенсацию издержек исполнителя и причитающееся ему вознаграждение»*. Задаю разминочный вопрос: если Вы, товарищ прокурор, исходите из того, что вся денежная сумма, выделенная на участие артиста в празднике, подлежала выплате ему в качестве артистического гонорара, то, спрашивается, где исполнители должны взять деньги на дополнительные расходы, связанные с организацией выступления этого артиста? Расходы на прибытие артиста в Петербург, на его проживание, питание, переезды и тому подобное? Совершенно прав законодатель, устанавливая, что в цену контракта изначально должна входить не только оплата нанятых артистов, но и вознаграждение, причитающееся организаторам праздничных мероприятий, и все их фактические издержки.

Сидящие перед Вами оправданные, которые по полтора года провели в тюрьме по причине некомпетентности их уголовных преследователей, неумолимо превращавших обычные гражданско-правовые отношения в уголовное дело, надеются на то, что сегодня уголовно-правовой кошмар для них закончится вступлением в законную силу оправдательного приговора.

Я заканчиваю обзор несостоятельных «экономических» подходов стороны обвинения к обстоятельствам этого дела и перехожу к обзору несостоятельности правовых позиций стороны обвинения.

Апелляционное представление прокурора Татариновой и дополнения к нему не соответствуют правовым требованиям к подобным процессуальным документам, содержащимся в статье 389^б УПК РФ. Это обстоятельство существенно затрудняет для стороны защиты возможность содержательного опровержения «доводов», содержащихся в апелляционном представлении.

Теперь обращаю Ваше внимание на весьма деликатное обстоятельство, способное существенно усложнить апелляционное разбирательство. Составитель представления не понимает смысла тех оснований к отмене или изменению приговоров, которые содержатся в

российском процессуальном законе. Первое «основание», содержащееся в представлении, сформулировано следующим образом: *«выводы суда не подтверждаются, фактическими обстоятельствами дела»*. Я утверждаю, что в законе нет такого основания. Можете заглянуть в УПК. Там указано совершенно другое! Законным основанием к отмене судебных решений является такая процессуальная ситуация, когда *«выводы суда не соответствуют фактическим обстоятельствам, установленным судом»*. Уважаемый суд, Вы, конечно, понимаете, что это ни одно и то же. Если суд первой инстанции установил какие-то фактические обстоятельства, а выводы его этим фактическим обстоятельствам не соответствуют или, более того, противоречат им, стало быть, налицо логическое несоответствие во взаимосвязи установленных по делу фактов, недопустимое в судебных решениях. А прокурор Татаринова понимает под обстоятельствами материалы дела, которым якобы не соответствуют выводы суда. Невероятно, но прокуроры утратили понимание того, что на их славном пути тотальных побед над правосудием могут встретиться случаи, когда суд не согласится с выводами обвинительного заключения, то есть с тем специфическим видением обстоятельств дела, которое было сформировано по делу к своей выгоде стороной обвинения. Тем не менее, факт остаётся фактом. В нашем деле прокурор просит признать оправдательный приговор незаконным только потому, что содержащиеся в приговоре выводы суда противоречат обвинительному видению обстоятельств дела. Подобное понимание оснований к отмене приговоров распространилось повсеместно и с этим надо что-то делать. К примеру, провести соответствующее обучение прокуроров.

Но в этом деле есть и уникальный процессуальный феномен, сознательно искажающий процесс нормального уголовно-процессуального доказывания в пользу стороны обвинения. Весьма опасный для интересов правосудия. Следователи, понимая, что в суде их ожидают серьёзные сложности с доказыванием несуществующих преступлений, прибегают к сочинению комплексной картины выдуманного преступления, тщательно прописывая мельчайшие детали этих преступлений в обвинительном заключении, маскируя тот факт, что значительная часть обстоятельств этих вымышленных преступлений не подтверждена доказательствами. Сторона защиты дала этому феномену оригинальное название – «картина маслом», выделила это многостраничное сочинение из состава обвинительного заключения и представила его суду, сопроводив предостережением: «Осторожно, фальшивка!» Зачем это было сделано стороной обвинения? А затем, что часовое прочтение этого абстрактного сочинения при подготовке к делу само по себе может сформировать у суда ни на чём не основанное

мнение о виновности подсудимых. Уж больно хороша обвинительная «картина маслом». Так хороша, что прокуроры до сих пор ею очарованы. Вот такие картины маслом всё чаще и чаще будут появляться в уголовных делах, где следователи бессильны честно доказать вменённые преступления. Будут появляться, разрушая саму идею доказательного судопроизводства.

Я иду дальше по процессуальным «основаниям» к отмене оправдательного приговора, которые предлагаются прокурором Татариновой. В качестве второго основания в представлении указано *«существенное нарушение уголовно-процессуального закона»*. Ситуация для прокуроров настолько упростилась, что им достаточно упомянуть вот эти магические слова, отдалённо похожие на основания, изложенные в УПК, и им кажется, что всё будет замечательно. Любые их пожелания тут же будут исполнены судом. В их представлении, таковы правила игры. А они в этой игре важные игроки, представляющие государство. Что называется, доигрались! Вообще перестали понимать элементарный смысл законов своей страны. В законе есть похожее основание, но понимать его так, как понимают прокуроры, недопустимо. Во-первых, это должны быть *существенные нарушения*, то есть такие, которые путём лишения участника уголовного судопроизводства гарантированных ему прав, либо путем ограничения указанных прав, либо посредством несоблюдения процедуры судопроизводства, либо иным путём помешали состояться правосудию. Но если Вы, уважаемый прокурор, просите применить это основание, Вы уж, пожалуйста, укажите некоторый набор фактов, которые хотя бы отдалённо попадали под предлагаемое Вами «основание» к отмене приговора. Хотелось бы понять, каких прав была лишена сторона обвинения при рассмотрении дела судом первой инстанции. Там дело обстояло ровно наоборот. Такого поведения судьи, который столь тщательно стремился к соблюдению прав стороны обвинения я не встречал много лет. Всё, что требовали прокуроры, даже откровенную глупость, суд выполнял неукоснительно, несмотря на многочисленные возражения стороны защиты на действия председательствующего.

Вот, например, прокуроры изъяли какую-то группу документов из чиновничьего кабинета и там находился сценарий праздников, проведённых задолго до начала «преступной деятельности» подсудимых, то есть сведения, не имеющие отношения к предъявленному обвинению, судья даже эти сценарии полностью прочитывала, затрачивая часы на это совершенно бессмысленное занятие и не взирая на требование закона, определяющего пределы судебного разбирательства и на многочисленные возражения адвоката Новолодского о том, что нужно ограничить обвинителей пределами

предъявленного обвинения. Извините за каламбур. Вы, уважаемый суд, можете спросить участвующего в деле прокурора: «А какие Ваши права участников процесса были нарушены судом первой инстанции?» В ответ будет молчание, потому что никаких нарушений процессуальных прав стороны обвинения судом первой инстанции допущено не было.

Вторая составляющая исследуемого «основания» состоит в том, что *«путём ограничения указанных прав стороны процесса»* была создана ситуация, существенно повлиявшая на её возможности состязательной стороны доказать суду правоту своей позиции. Спросите представителя обвинения: «А какие Ваши права участников процесса были ограничены судом?» Ведь никто другой не может ограничить, кроме как председательствующий по делу. В ответ на это тоже будет гнетущая тишина, потому что таких ограничений не было и предложить вашему исследованию какие-либо конкретные факты ограничений прав стороны обвинения невозможно, потому что их нет.

Или, допустим, что процессуальные права стороны обвинения были нарушены третьим способом из числа предусмотренных законодателем. А именно *«путём несоблюдения процедуры судопроизводства»*. В представлении нет даже намёка на то, что судом были нарушены какие-то процедуры судопроизводства. И про это спросите участвующего в деле прокурора, чтобы ненароком не нарушить его прав и не лишить сторону обвинения возможности успешного для неё завершения дела. Никаких фактов, которые могли бы подтвердить наличие оснований к отмене оправдательного приговора, в апелляционном представлении прокурора не содержится. Сегодняшнее микроскопическое по времени выступление прокурора не добавило к обоснованию представления ровным счётом ничего. Возможно прокурор что-нибудь скажет в прениях, но как быть стороне защиты в этой нелепой процессуальной ситуации? Мы же должны оспаривать фактологическую сторону представления, используя для этого возможности предстоящего судебного следствия. Чтобы Вы, не дай Бог, не удовлетворили эту совершенно немотивированную и не подтверждённую фактическими обстоятельствами просьбу стороны обвинения об отмене оправдательного приговора. Сложившаяся ситуация – это и есть существенное нарушение прав участника судопроизводства, но не прав стороны обвинения, а прав стороны защиты. Это существенное нарушение права на защиту, выявленное *«здесь и сейчас»*, непосредственно в этом процессе. Мы не будем бороться с *«ветряными мельницами»*. Мы требуем представления фактов, подтверждающих общие рассуждения о *«существенных нарушениях»* норм процесса, якобы допущенных судом первой инстанции.

Прокурор Татаринова просит *«отменить оправдательный приговор Красногвардейского районного суда и вернуть уголовное дело в тот же суд для нового рассмотрения в ином составе суда»*. По-видимому, составитель представления не понимает, что такое право суд апелляционной инстанции может реализовать только в строго определённых случаях. Эти случаи прописаны законодателем. Сторона защиты напоминает, что в соответствии с частью 1 статьи 389.22 УПК РФ *«Обвинительный приговор и иные решения суда первой инстанции подлежат отмене с передачей уголовного дела на новое судебное разбирательство, если в ходе рассмотрения в суде первой инстанции были допущены нарушения УПК РФ и УК РФ, неустранимые в суде апелляционной инстанции»*. Товарищ прокурор, я Вас призываю, назовите, что Вам мешает сегодня обратить внимание суда на доказательства виновности оправданных, исследовать их в судебном следствии, оценить их совокупность и просить апелляционный суд о вынесении обвинительного приговора *«здесь и сейчас»*. Как видите, просительный пункт апелляционного представления прокурора Татариновой является процедурно неосуществимым.

Уважаемый суд! Я проанализировал две группы обстоятельств, первая из которых относится к экономической сути того, что приходилось исследовать суду первой инстанции, к чести которого он разобрался в экономической составляющей спора сторон и действовал в полном соответствии с законом, и второй части, относящейся к полной процессуальной несостоятельности апелляционного представления, в плане понимания того, что является *«основанием»* к отмене судебных решений, когда и в каких случаях суд апелляционной инстанции может вернуть дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Остальное, уважаемый суд, мы доложим Вам в ходе прений и постараемся сформировать Ваше внутренне убеждение о том, что никакого преступления не было, и что вынесение по этому делу обвинительного приговора может привести к серьёзной деформации устоявшихся гражданско-правовых отношений в сфере оказания возмездных услуг по организации праздничных мероприятий в нашей стране.

Я закончил своё выступление. Благодарю Вас, уважаемый суд, за профессиональную выдержку в прослушивании моего выступления, столь длительного по своей продолжительности. Ну уж не обессудьте, стремился к краткости как мог.

Надеюсь, что предложенные нами подходы к рассмотрению этого, огромного по объёму, дела помогут Вам, уважаемый суд, разобраться в нём и убедиться в том, что вынесенный по делу приговор является законным и обоснованным.

**Речь адвоката Ю.М. Новолодского
в защиту оправданного Н.М. Абрамидзе
в заседании судебной коллегии по уголовным делам
Санкт-Петербургского городского суда от 29 мая 2017 года
(в ходе прений сторон)**

Уважаемый суд! Слушая речь прокурора, я невольно ловил себя на назойливой мысли: «Ладно б было, кабы так!»! Эта мысль буквально пульсировала в моей голове, отмечая каждый фрагмент прокурорской речи. «Ладно б было, кабы так!»! И, действительно, как бы было хорошо для прокуроров, кабы все юристы смежных специальностей понимали бы закон так же, как понимают его прокуроры. «То-то б было весело, то-то хорошо!»! К счастью, у юристов-смежников иногда бывает иное, не прокурорское, видение обстоятельств дела и своё понимание законов, применимых к этим обстоятельствам. Это и есть уголовно-процессуальная состязательность.

Я начну свою речь с оценок выступления представителя гражданского истца. Она-то как раз понимает все обстоятельства этого дела исключительно по-прокурорски. Понимание это столь оригинальное, что потребуется публичное разъяснение азбучных истин, известных любому юристу, для того, чтобы «расставить всё по своим местам». Начну с того, что по делам о хищениях чужого имущества гражданский иск может быть заявлен только в тех случаях, когда имеет место реальное умаление имущественной сферы потерпевшего и на момент судебного разбирательства дела причинённый хищением ущерб не возмещён. Поэтому первое, что должен был установить суд при рассмотрении этого дела, – не уменьшилось ли имущество городского бюджета в результате действий обвиняемых? И суд принял на сей счёт однозначное решение – имущество бюджета не уменьшилось ни на один рубль! Деньги, которые были выделены на проведение трёх праздничных мероприятий, в основной своей массе были израсходованы на организацию этих праздников, а часть этих денег стала прибылью, ради которой социально активные граждане во всём мире и занимаются предпринимательской деятельностью.

В нашем деле следователи, прокуроры и примкнувший к ним «потерпевший» выстроили удивительнейшие «конструкции» для искусственного «подтверждения» несуществующих хищений. Де, мол, нами установлено, что исполнители по исследуемым контрактам затратили меньше денег на организацию праздничных мероприятий, чем было выделено на это из городского бюджета. Это, по мнению обвинителей, означает, что исполнители по договорам возмездного

оказания услуг должны были вернуть неиспользованные деньги заказчикам. «Ладно б было, кабы так!» Только прокурорское пожелание не основано на законе. В гражданском законодательстве содержится базовое положение о том, цена договора может быть изменена только с согласия сторон в договоре. Всё так просто. Но, к сожалению, не для современных следователей и прокуроров. Ни у кого, ни у одного из исполнителей по договорам на оказание возмездных услуг не появится желание в случае сокращения расходов, понесённых на оказание услуги, вернуть сэкономленные деньги заказчику. Это потому, что в силу прямого указания закона при сохранении оговоренного договором уровня качества оказанной услуги сэкономленные средства исполнители вправе оставить себе в виде прибыли.

Видит Бог, я «не тянул за язык» товарища прокурора. Он в своей речи сам указал на то, что, по его мнению, является самым главным в обвинительной системе доказывания. И тем самым существенно облегчил задачу защиты. Вспомните, он сообщил суду о «главном», когда сбивчиво цитировал текст апелляционного представления. Комментируя его, он остановился на опусе, отраженном во 2 абзаце 8-го листа апелляционного представления и охарактеризовал его содержание как «главное» в этом деле. Абзац этого следующего содержания: *«По мнению суда, в ходе дела установлено, что услуга была выполнена, в связи с чем акт об оказании услуг, подложным суд признать не может»*. Вот, говорит прокурор, самое «главное» здесь, это самый основной момент, на котором базируется выдвинутое нами обвинение. Вот тут-то и вышла судебная «закавыка».

Позвольте, товарищ прокурор, Вы не согласны с тем, что суд совершенно точно установил сам факт оказания услуг по организации праздничных мероприятий и посему не мог признать подложным официальный акт, зафиксировавший это обстоятельство? Сообщаю Вам мнение стороны защиты на сей счёт. Суд действительно не мог признать подложным акт, в котором зафиксировано фактическое проведение праздничных мероприятий, после того, как он в течение нескольких часов просматривал видеозаписи, объективно зафиксировавшие проведение этих праздников. Тут уж ничего не поделаешь, у суда есть право не согласиться с выводами обвинения. Только Вы, обвинители, об этом праве суда совсем забыли.

Дальнейшие «мысли» прокурора сводятся к тому, что представленные в суде «доказательства обвинения» свидетельствуют о том, что суммы, указанные в отчётах, не соответствуют реально затраченным на проведение мероприятия. Какой ужас! Но сторона защиты никогда и не отрицала того, что в отчётной документации исполнители указывали общую денежную сумму, выделенную на

организацию участия в празднике знаменитых артистов, без разбивки этой суммы на очевидные составляющие: на расходы по приезду артиста в наш город, расходы на его проживание в люксовых гостиницах, переезды в люксовых автомобилях, расходы на выполнение обязательных райдеров и тому подобное... Неужели и в этом сторона обвинения усмотрела «неоспоримые доказательства виновности» обвиняемых в хищении бюджетных денежных средств, которые позволили ей, не без помощи доверчивого суда, поместить трёх обвиняемых по этому делу в следственный изолятор, где они незаконно содержались полтора года?

Теперь перейду к той самой «сути дела», без которой не могло состояться справедливое разрешение этого дела. Не буду тратить Ваше время на опровержение других «доводов» прокурора, которые прозвучали в прениях. Эти «доводы» в современном юридическом мире могут быть понятны только самим прокурорам и примкнувшим к ним мнимым «потерпевшим». Для остальных юристов это всего лишь незаслуживающие внимания юридические выдумки на вольную тему.

Приступаю к изложению того «главного», что, по мнению стороны защиты, должно определить окончательный исход этого дела. «Главное» - это однозначное урегулирование нормами Гражданского кодекса отношений, сложившихся при исполнении трёх исследуемых по этому делу договоров на возмездное оказание услуг по организации праздничных мероприятий.

Статья 783 ГК РФ распространяет нормы, регулирующие договор подряда, на договоры возмездного оказания услуг. Перед Вами, уважаемый суд, иллюстративная схема, которую я буду использовать при произнесении защитительной речи. На этой схеме крупным шрифтом представлен трансформированный текст закона. Мы исходили из того, что если какая-то норма, регулирующая договор подряда, применима к договорам возмездного оказания услуг, мы имеем право для наглядности восприятия слово «подрядчик» в этой норме заменить на слово «исполнитель», а слова «договор подряда» заменить на слова «договор возмездного оказания услуг». В результате произведённых замен мы получили смысловое содержание текста закона, которое и находится перед Вами на демонстрационном стенде. Этот текст полностью применим к тем отношениям, которые исследовались по настоящему делу. Я воспроизведу этот текст. В адаптированном виде он звучит следующим образом: «В случаях, когда фактические расходы *исполнителя* оказались меньше тех, которые учитывались при определении цены работы, *исполнитель* сохраняет право на оплату работ по цене, предусмотренной *договором возмездного оказания услуг*,

если заказчик не докажет, что полученная *исполнителем* экономия повлияла на качество выполненных работ».

Обвинители не знали этого закона или сознательно игнорировали его для удобства обвинительной деятельности, а потому не увидели своего «счастья» и правильного направления атаки для достижения своих обвинительных целей. Им бы надо было доказывать, что выявленная по делу экономия повлияла на качество выполненных работ, а в нашем случае на качество оказанных услуг. Но, к счастью, и здесь сторону обвинения ждала неудача – все без исключения допрошенные в суде «свидетели обвинения», представляющие ведомства заказчиков, в один голос заявляли одно и то же: «Качество проведённых праздничных мероприятий полностью соответствовало нашему представлению о том, за что мы платили».

Теперь, уважаемый суд, я обращаю Ваше внимание на содержание пункта 2 статьи 709 ГК РФ, также размещённое на демонстрационном стенде. Это правило закона полностью применимо к исследуемым отношениям. Я процитирую его содержание, адаптированное применительно к договорам возмездного оказания услуг: *«Цена в договоре возмездного оказания услуг включает компенсацию издержек исполнителя и причитающееся ему вознаграждение»*. Спрашивается, чем можно объяснить прокурорское непонимание такого, простого по содержанию, закона? Казалось бы, всё ясно и понятно. В первоначальную цену, которая была включена в исследуемые контракты, в обязательном порядке входили и прибыль, и издержки исполнителя. Поэтому, когда на вопрос наших предпринимателей: «А где же наша прибыль?» следователь Раукина с цинично разъярил им, что они хищники, а потому не смеют даже заикаться о прибыли, он тем самым полностью не только себя, но и всю российскую следственно-обвинительную власть представил неспособной понимать и исполнять законы своей страны. Какого профессионального уровня должен быть следственный чиновник, полагающий что, когда речь идет о государственных деньгах, использованных при заключении гражданско-правовых договоров, у исполнителей этих договоров никакой прибыли не может быть?

Вот здесь я остановлю свою речь, чтобы вопреки правилам русского языка поставить не вопросительный, а восклицательный знак! До какого уровня беспринципности дошло обвинение в стремлении достичь неправых целей во что бы то ни стало. Доказывать всё, что угодно, и отрицать всё, что угодно, даже совершенно очевидные предпринимательские истины, закреплённые в гражданском законодательстве.

А теперь я приведу Вам, уважаемый суд, диаграмму, которая иллюстрирует действительную экономику организации исследуемых

праздничных мероприятий, то есть то, что происходило на самом деле, а не в причудливых фантазиях стороны обвинения. Количественные показания этой диаграммы просчитаны «до копейки». Суд первой инстанции всё это перепроверил и не мог с этим не согласиться.

Переходим к анализу количественных данных. Часть произведённых исполнителями расходов следователь признал правомерными и это составило 82,28 % от общей суммы контракта. Остальные 17,72 % от суммы контракта следователь отнёс к похищенным средствам. Складываем эти величины и получаем 100 %. Встаёт вопрос: «Прибыль-то где? Где прибыль? Где издержки предприятия, о которых говорит законодатель, составитель Гражданского кодекса»? Видите, что ничего этого в обвинительных расчётах следователя нет. Но суд первой инстанции тщательно исследовал обоснованные издержки исполнителей и установил, что расходы, которые обязательно следует учесть как обоснованные, составили 15,44 %. Стало быть, следуя Гражданскому кодексу, они должны быть компенсированы за счёт той общей денежной суммы, которая была обозначена в качестве цены контракта. И что ещё остаётся? А остаётся 295 315 рублей, что составляет 2,28 % от цены контракта. Почти 300 тысяч рублей, по которым нет никакой отчётности перед заказчиками праздничного мероприятия. Что это? А это, уважаемый суд, прибыль. Та самая, которую не желают учитывать следователи и прокуроры. Это совершенно нормальная прибыль. Чуть больше 2 процентов. Это заслуженное вознаграждение предпринимателей за их тяжёлый труд.

Итак, надо окончательно расстаться с мыслью о том, что имело место хищение. Никакого умаления имущественной сферы потерпевшего попросту не было. Значит не было и хищения. Разговоры следователей и прокуроров о том, что якобы обвиняемые каким-то невероятным мошенническим образом умудрялись побеждать в конкурсах всякий раз, когда этого желали, не имеют под собой никакого фактологического подтверждения. Эти разговоры всего лишь фрагмент из абстрактной «картины маслом». Представитель потерпевшего безответственно и бездоказательно утверждает, что обвиняемые всё подстраивали так, что побеждали всегда они. Это неправда, это просто откровенный, инициированный следователем Раукинасом вымысел. В первом конкурсе по Кронштадту, к примеру, наименьшую цену предложила ИП Бучинская. И это предприятие стало бы победителем в этом конкурсе, но выяснилось, что в нарушение закона предприятие не выставило требуемое денежное обеспечение. Именно поэтому, ИП Бучинская не стала победителем конкурса. Госпожа Бучинская была допрошена в суде, её прокуроры буквально пытали: «Не состояли ли Вы в сговоре с обвиняемыми?» Она отвечала: «Нет, я просто пыталась

входить на этот рынок. Делала много ошибок. Да, я не знала, не ведала про обвиняемых...» Как при таких обстоятельствах можно настаивать на том, что при проведении конкурсов осуществлялась какая-то преступная схема, если факты восстают против подобного утверждения? Вот если бы Бучинская пришла в суд да созналась: «Каюсь, мол, это они меня научили плохому и подговорили действовать по их сценарию». Вот тогда было бы другое дело. Наверное, в этом случае суд мог бы задуматься, что выявленная ситуация с «вылетом» Бучинской из числа участников конкурса не случайна. А так это всего лишь очередной фрагмент из «картины маслом».

И, вообще, всё, что здесь прокуроры называют «доказательствами» – это просто издёвка над здравым смыслом. Например, обвинители в суде первой инстанции требовали огласить текст договора, который был заключён исполнителями с некими субподрядчиками. Да, наверное, суд может исследовать такой договор, но никакого доказательственного потенциала в этом исследовании нет. Исследуемый субподрядный договор не может доказать ни наличие, ни отсутствие хищения. Потому, что этот договор и при самом добросовестном его содержании, и при том, что его заключают мошенники, совершенно одинаков и сам по себе ровным счётом ничего не доказывает. Просто удивительно, но Раукинаса никто не научил тому, что же такое доказательства, с помощью которых можно устанавливать наличие хозяйственных преступлений. Иначе как можно объяснить признание «вещественным доказательством» 53 чистых листов бумаги формата А4 и еще нескольких тысяч бумажных артефактов, которые даже приблизительно не могут быть отнесены к разряду вещественных доказательств? Это просто бумажные носители, содержащие те или иные сведения, не имеющие никакого доказательственного значения. И ничего более. И уж никак не доказательства виновности в совершении тяжких преступлений. Этих псевдодоказательств, их так много, что они в помещении суда не поместились. Сколько миллионов российских рублей было потрачено на бессмысленные действия приглашённых с «северов» следователей, которые более полугода занимались механическим вынесением постановлений о признании любой оказавшейся в их распоряжении бумажки «вещественным доказательством». И сейчас сторона обвинения своим предложением отправить дело на новое судебное разбирательство как бы говорит нам: «А почему бы нам не потратить ещё миллионов 20 на то, чтобы осуществить нашу мечту о стопроцентной результативности наших обвинительных расследований?» А мечта их состоит в том, чтобы на любой приговор, где судья не согласился с мнением обвинения, а тем более на оправдательный приговор, можно было написать

бездоказательную кляузу: «Де, мол, выводы суда не соответствуют материалам дела», и эта магическая фраза вводила бы в священный трепет вышестоящие суды, которые немедленно отменяли бы нежелательные для обвинения приговоры. Даже стыдно слушать подобные речи. Обвинитель в концептуальных своих рассуждениях вообще лишает суды естественной возможности принимать решения, отличные от позиции обвинительной власти. Неужели представитель обвинения не понимает, что современное правосудие строится на внутреннем убеждении судьи, который изучает всю совокупность представленных сторонами доказательств и приходит к определённом выводу, который и определяет исход уголовного дела? Работа по нашему делу проведена судом титаническая, можно только пожалеть судью и всю судебную систему, если ей приходится рассматривать такие искусственно сконструированные обвинения и «перелопачивать» десятки тысяч нелепейших «вещественных доказательств».

Есть надежда, что подобные случаи пойдут на убыль, потому что мы примем меры к привлечению к ответственности следователя Раукинаса, который не расследовал это дело, а откровенно его фабриковал. Если вы сочтёте возможным, уважаемый суд, закон позволяет вам вынести в адрес этого замечательного следователя частное постановление, в котором могут быть отражены те многочисленные нарушения, которые были допущены им в настоящем деле, и те последствия, которые наступили от его действий. Три человека находились под стражей около полутора лет по этому совершенно вымышленному обвинению. Я хочу поставить общественно значимый вопрос, пользуясь тем, что наше судопроизводство публично: «А зачем вообще нужна прокуратура в её нынешнем виде? Прокуратура, которая не выявляет допущенные в ходе следствия нарушения, а всячески, порой бездумно, покрывает их?».

Оправдательный приговор, вынесенный по настоящему делу, является законным и обоснованным, а представление прокурора не отвечает требованиям, которые предъявляются законодателем к содержанию подобных документов. Необоснованность апелляционного представления состоит в том, что выдвинутые в нём утверждения о наличии оснований к отмене приговора не «расшифрованы», нет указаний на то, в чём же конкретно выразились декларируемые прокурором «основания». Этих конкретных указаний в представлении нет, потому что их не существует в реальности. Вот так! Остались только околоюридические рассуждения, отдалённо напоминающие русскую письменную речь в её правовом преломлении. Вот суровая, но справедливая характеристика этого представления.

Я заканчиваю свою речь. Думаю, что мои коллеги несколько деталей и допущенных мною неточностей попробуют выправить. Было смешно видеть, как оправданный Абрамидзе, потрясённый прокурорской речью, оскорбляющей истину в его понимании, подавал мне знаки, выражая своё желание выступить в прениях первым. Мы не пошли ему навстречу. Эмоциональные выплески не лучший помощник в прениях сторон. Но он дожждётся своей очереди и, поубавив заслуженное негодование, надеюсь сумеет донести до Вас свою боль человека, незаслуженно помещённого в тюрьму на полтора года. Постарайтесь понять его, уважаемый суд. Благодарю вас. Оправдательный приговор должен быть оставлен без изменения.

По итогам апелляционного рассмотрения дела было принято решение об оставлении оправдательного приговора от 07 ноября 2016 года без изменения.

29 мая 2017 года оправдательный приговор Красногвардейского районного суда города Санкт-Петербурга от 07 ноября 2016 года вступил в законную силу.

РЕЧИ АДВОКАТА ЮРИЯ НОВОЛОДСКОГО
в судах Санкт-Петербурга в защиту Н.М. Абрамидзе
(2016-2017 г.г.)

ISBN 978-5-9500351-6-6

Подписано в печать 19.06.2017 г.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Объем 4,625 п.л.
Заказ № 1906/17 Тираж 300 экз.
Отпечатано в типографии ООО «Р-КОПИ»
190000, Санкт-Петербург, пер. Гривцова, д. 6 Лит. Б